

Клеймёный

Автор:

Дмитрий Даль

Клеймёный

Дмитрий Даль

Клеймёный #1 Попаданец (АСТ)

Наш соотечественник Илья Давыдов неожиданно оказался в другом мире, в теле свергнутого короля Имрана, которого за его злодеяния прозвали Кровавым и приговорили к смертной казни. Его ждет эшафот и нож гильотины, но в последний момент казнили другого, а Илью отправили на каторжную планету. И теперь ему предстоит разобраться с новым миром, где процветают звездные империи, воевать с пришельцами из другой галактики, вернуть себе свободу и восстановить честное имя короля Имрана, опороченное мятежниками.

Дмитрий Даль

Клеймёный

© Дмитрий Даль, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть 1. Каторжник

Я начинаю путь,

Возможно, в их котлах уже кипит смола,

Возможно, в их вареве ртуть,

Но я начинаю путь.

Я принимаю бой,

Быть может, я много беру на себя,

Быть может, я картонный герой,

Но я принимаю бой. Я говорю:

Живым – это лишь остановка в пути,

Мертвым – дом.

Константин Кинчев. Группа «Алиса»

Глава 1. Тюрьма и тюремщики

Он потерял счет времени и не знал, где находится. Это был каменный мешок, куда не проникал свет. Ледяной бетонный пол, пахнувший плесенью и какой-то тухлятиной, со зловонной дырой в полу. Настоящие тюремные нары из гнилого дерева, на которых он очнулся несколько дней назад, если судить по тому, сколько раз ему приносили миску с кашеобразной вонючей бурдой. Еду приносил всегда один и тот же человек в черном костюме тюремщика с погоном с тремя серебряными ромбами на левом плече и эмблемой на правом нагрудном кармане – красный шар, пронзенный мечом. На поясе у него висел энергетический хлыст, который однажды тюремщик применил к заключенному из соседней камеры. Он видел сквозь смотровую щель, как тюремщик снял хлыст с пояса, открыл дверь камеры напротив и вошел в темноту. Дальше были видны лишь электрические всплески, словно взрывались шаровые молнии, и крики боли, истошные, на грани рвущихся связок.

Чем уж сосед по несчастью разгневал тюремщика, он не знал. Но решил выяснить, почему он здесь, и как долго его будут держать в камере. Он пытался разговаривать с тюремщиком, но тот не обращал на него внимания, словно его и

не существовало в природе. Тюремщик относился к нему как к пустому месту. Открывал окошко для подачи пайки, вставлял миску с вонючим кормом, пропихивал в камеру и закрывал окошко. И так каждый раз. Отточенное, тысячи раз проделанное движение, которое не требовало никакого эмоционального участия. Не человек, а биологический робот.

Первое время он пытался разобраться в себе. Кто он, как здесь оказался и где он вообще находится. Если с первым пунктом все было более и менее понятно, то остальное было скрыто густым туманом.

Его звали Илья Давыдов. И он родился тридцать с небольшим лет назад на берегах Невы. С тех пор он выучился на экономиста, отслужил в армии, поработал в рознице, торговал бытовой техникой, потом в оптовом направлении. Семьи так и не завел, хотя женщин у него было много. С последней он расстался несколько недель назад и сейчас находился в процессе размышления о смысле бытия. Много читал. Путешествовал. Увлекался рыбалкой, несколько раз был на охоте. В целом вполне себе заурядная биография простого человека из народа. Вспомнить толком нечего, словно он не на своем месте всю жизнь прожил, чье-то место занимал.

Только эта краткая биографическая справка, всплывшая в голове, никак не могла помочь разобраться в том, где он находится.

Последнее воспоминание, призрачное, закованное в туман, он в ночном клубе с другом. А друг ли? Старый приятель, коллега по прошлой работе, много вместе выпито, много вместе прожито, да только положиться нельзя. По кабакам да злачным местам вместе – милое дело, а вот чтобы дело делать да серьезные вопросы решать, друг другу в помощь, тут тысячу раз подумать надо да взвесить. Звали его Федор Соколов, можно просто Федя, и ближе этого человека у Ильи, пожалуй, никого и не было. Он легко сходилась с людьми, но так же легко расставался. Всегда что-то не устраивало, всегда видел человека насквозь, и это мешало. Люди в своей массе любят только себя, говорят только о себе, интересуются только собой, и даже в дружбе и любви дружат и любят исключительно с собой. А Илью это никогда не устраивало. Но в Федоре Давыдов нашел приятный компромисс. Вот и в тот вечер они отправились вместе вечером в пятницу в злачное место, немного выпить, немного потрепаться за жизнь, чуть послушать хорошую музыку, слегка потанцевать, если будет настроение, и, может быть, познакомиться с симпатичными девочками, ищущими, как и они, приключения.

Илья помнил вечер смутно. Он пытался восстановить его в памяти, но вокруг были сплошные черные дыры. Вот он сидит за столиком и глушит виски под оглушительную танцевальную музыку, напротив Соколов рассказывает о своих похождениях на любовном фронте. Вот он идет на танцпол, где ему приглянулась изящная блондинка, которая весь вечер активно строила ему глазки. Вот он уже танцует вместе с ней, строя планы на вечер. И на этом всё. Больше он ничего не помнил.

Следующее отчетливое впечатление. Он просыпается на жестких вонючих нарах, в крошечной черноте. Ничего не видно и не понятно. И самое главное, страшно.

Пока не появился тюремщик, Илья успел измерить камеру шагами, ощупать стены и пол, даже вляпаться в грязную дырку в полу, которая явно предназначалась для туалета, и наступить кому-то на хвост, судя по истошному визгу.

Он уже успел обо всем подумать, перебрать все версии, выдвинуть все предположения, но то, что оказалось в итоге, было ужаснее всех самых кошмарных его мыслей. А ведь ему казалось, что страшнее всего это неведение. Не знать, что происходит и что ждет тебя впереди. Он уже не сомневался, что его похитили, только вот зачем. Это-то и пугало.

Их было трое, и все были в одинаковых черных балахонах с капюшонами, скрывающими лица. В их движениях чувствовалась уверенность в своих силах. Это пришли хозяева, которые решали, что им делать с их собственностью. Все в этих гнилых камерах было их собственностью, даже люди. Ведь те, кто попал за те или иные прегрешения в каменный мешок, больше не имели права называться людьми.

Тюремщик отпер дверь и впустил их внутрь. Они вошли одни, хотя Илья слышал, что в коридоре переминаются с ноги на ногу с десятков здоровенных мужчин, видно из числа охраны. Но этой троице для разговора с ним не нужны были лишние уши. Да и кто он такой? Ослепший от вечной тьмы, оголодавший, потерявший человеческий облик арестант.

Некоторое время назад Илья нащупал у себя длинные грязные волосы и сильно этому удивился. Ведь он всегда коротко стригся, офисный дресс-код четко

диктовал условия внешнего вида сотрудников. А тут косматая грива спутанных волос, спускающихся на плечи. Это сколько же он провалялся в отключке, что у него появилась такая заросль.

Троица встала напротив него молча, словно что-то ждала. Илья почувствовал, как внутри него все сжалось от нехорошего предчувствия. Он сел на нарах и уставился на визитеров. Они как по команде открыли лица, и он смог разглядеть их, благодаря скудному свету, просачивающемуся сквозь незакрытую дверь камеры.

Первый, ниже всех ростом, узкий лоб, колючие глаза, большой мясистый нос и густая борода с усами, аккуратно подстриженная. Как он потом узнал, его звали Магистр Крот, и он был его главным обвинителем.

Второй был Магистр Серж Рыжий, здоровенный детина с детскими наивными глазами и жестким ртом, искривленным в вечной усмешке, напоминая о кровавой дуэли, произошедшей десятки лет назад.

Третьего, худого, изможденного, с синяками под глазами и свернутым на сторону носом звали Магистр Ульрих Череп, и он был главным королевским палачом, как потом выяснилось, пришедшим познакомиться со своей жертвой.

– Низвергнутый король, да будет проклято имя твое вовеки веков, – Имран, прозванный в народе Кровавым, от имени народа королевства Поргус мы, королевские обвинители Магистр Крот, Магистр Серж Рыжий и Магистр Ульрих Череп, обвиняем тебя в тысяче тысяч кровавых преступлений против своего народа. Бесчинства твои, кровавая вакханалия твоя, войдут в историю королевства Поргус, как позорные пятна, как самые страшные, черные дни. Ты, который топил всех неугодных тебе в крови, кто вырезал семьи под корень, кто уничтожал города и деревни, жег планеты, не заслуживаешь права жить. Список твоих преступлений столь обширен, что занимает более ста томов, которые легли в основу обвинения. Ты не заслуживаешь права на народный, открытый суд. Знай же, Имран Кровавый, что ты уже осужден, и приговор тебе вынесен. Завтра на заре ты будешь казнен. Ты взойдешь на эшафот. Гильотина для короля уже готова. И палач жаждет справедливости.

Магистр Крот умолк, а Илья потерял дар речи от свалившейся на него информации. Какой Имран Кровавый? Какая гильотина? Какие бесчинства? Эта

троица его что, разыгрывает? Или это какие-то садистские штучки? Сатанинская секта? Клуб садистов?

– Я знал тебя, Имран, еще мальчишкой. Ты был хорошим человеком. И я думал, что ты вырастешь достойным преемником своего отца Феретта Громовержца. Я не знаю, где мы допустили ошибку, где упустили тебя. Как из мальчика Имрана, наследника своего отца, могло вырасти такое чудовище, – произнес Серж Рыжий, и в голосе его чувствовалась неподдельная тоска. – Мне искренне жаль, что я вижу тебя в этой камере и вынужден говорить, что ты скоро умрешь.

Они явно чего-то от него ждали. Быть может, воплей ярости и обвинений, какого-то всплеска эмоций, гнева, попытки наброситься на них, но Давыдов был подавлен. Он не мог даже пошевелиться, словно на него сбросили целую скалу, и он пытался ее удержать, но она все больше гнула его к земле. Грудь сдавило. Илья пытался вздохнуть, но горло словно пережали раскаленными клещами.

– Завтра. За тобой придут. Тебя приведут в порядок. Не достойно королю умирать, как последнему уличному нищему. От тебя смердит так, словно ты вырос на помойке. Но видя тебя в таком состоянии, сердце радуется, – сказал Крот.

– Твоя казнь будет транслироваться на все города и планеты королевства Поргус. Каждый житель королевства увидит, как покатится в корзину твоя голова. Каждый должен увидеть кровь Имрана Кровавого, чтобы почувствовать веру в этот мир, в божественную справедливость, – произнес Серж Рыжий. – Готовься, Имран, и знай, что мне очень жаль, что все так вышло. Я бы хотел все исправить, но это не в моих силах, не в силах божественных. Ты повинен, и ты умрешь.

Магистр Ульрих Череп осклабился в жуткой улыбке и сказал:

– Я не буду говорить громко. Я скажу по-простому. Я рад, что завтра отрублю тебе голову. После всего того, что я видел, это даже слишком легкое наказание для тебя. Ты заслуживаешь куда большего. Как жаль, что нельзя тебя убить, воскресить и убить снова. И даже этого было бы мало.

Илья попытался совладать с собой. Крик рвался наружу. Но он смог лишь прохрипеть:

– Что здесь происходит? Я ни в чем не виноват.

Магистры посмотрели на него как на умалишенного.

– Велик твой цинизм, Имран. Ты жуткий человек. Мы ожидали чего угодно, гнева, проклятий в свой адрес, но только не этого жалкого лепета, – разочарованно произнес Серж Рыжий.

– Я не понимаю, что вы от меня хотите. Я не тот, за кого вы меня принимаете, – попытался оправдаться Илья, но его слова звучали жалким лепетом.

– Вырвать бы ему язык каленым железом, чтобы гнусь поганую не нес. Слух наш не поганил, – произнес Крот.

– Пусть народ видит, как он жалок, – возразил Серж Рыжий.

– Кошмарной тебе ночи, выродок, – пожелал Ульрих Череп.

Они вышли из камеры, и дверь со скрежетом закрылась, отрезая Илью от внешнего свободного мира, отрезая его от жизни.

Глава 2. Гильотина для короля

Эта ночь была самой страшной в его жизни. Последняя ночь, последние глотки воздуха, последние запахи, последние мысли.

Это было ужасно и несправедливо. Он не заслуживал этого. Какое королевство? Какой король? О чем говорили эти ужасные люди? Они его с кем-то перепутали? Но Илья не помнил, чтобы на Земле был хоть кто-то из правящих династий с именем Имран, да еще с таким звучным прозвищем Кровавый. К тому же эта троица говорила что-то о других планетах. Куда он попал? Его что, похитили пришельцы? Что вообще происходит?

Тысячи мыслей теснились в его голове. Они сводили его с ума. Но самое главное, он не знал, как ему выпутаться из этой ловушки. Он видел, что обречен, и не мог с этим смириться. Как же так? Ему всего лишь тридцатник недавно стукнул. Он еще молод, чтобы умереть.

В эту ужасную ночь Илья не мог заснуть. Он мерил шагами камеру, ощупывал стены, пытаясь найти лазейку, через которую мог бы вырваться на свободу. Но он, к сожалению, не мог превратиться в пчелу или жука, чтобы выбежать под дверями камеры или через трещины в стенах.

Через несколько часов Давыдов устал. Он уже не чувствовал под собой ног. Упал на нары, и тут же возникла новая идея. Если уж и суждено умереть, то надо подороже продать жизнь. Когда за ним придут, он будет драться, сражаться, рвать и крушить. Если надо, грызть и кусать, только чтобы отомстить за всю абсурдность этого положения. Илья вскочил на ноги. Усидеть на одном месте он не мог. Он схватился за нары и попытался отодрать доску. Она была надежно приколочена, но подгнила, поэтому спустя время ему удалось вырвать ее. От ярости, клокотавшей в нем, он ударил доской об стену, и она разлетелась в труху. Тогда он принялся отдирать новую.

Под утро им овладела апатия. Он упал на то, что осталось от нар, и закрыл глаза. Голова гудела, как разъяренный улей. В висках пульсировало. Он уже хотел, чтобы побыстрее наступило утро, и все закончилось. Ему было страшно, но он устал бояться. Да пошли они все к черту. На полу где-то еще лежала доска с ржавым гвоздем. Уж одному-то тюремщику он точно пузо продырявит.

Илье никогда раньше не приходилось убивать. Много раз он дрался. В армии приходилось отстаивать свои права на жизнь, доходило до крови и переломанных ребер, но никогда он не отнимал ни у кого будущее. Но теперь, когда его загнали в угол, он чувствовал, что готов к этому. Рука не дрогнет. В душе ничего не перевернется. Он возьмет и убьет. Ведь это его похитители и палачи, которые затеяли непонятную ему игру.

Давыдов и сам не знал, как уснул. Он не осознал этого мгновения, когда измученное сознание провалилось в спасительный краткий сон, который быстро закончился. Лязгнул ключ в замке, заскрежетала открываемая дверь, и на пороге в свете показались кряжистые фигуры тюремщиков.

За ним привели почтенный караул. Десять солдат в красной парадной форме королевских гвардейцев. Конечно, Илья об этом в то время не знал. Уже много позже, переживая раз за разом последние часы перед казнью, он смог осмыслить всю глубину подготовленного спектакля.

Его вывели из камеры, где тут же сковали руки наручниками за спиной, а на шею надели пластиковый обруч, мигающий красной лампочкой. Пятеро гвардейцев шли впереди. Пятеро замыкали процессию. Вооруженные автоматами с укороченными дулами, в черных фуражках с красными околышами и кокардами (овальное поле с перекрещенными мечами, от которого расходились солнечные лучи) гвардейцы хранили молчание. Невозмутимые, словно биороботы, они выводили из подвального мрака к свету осужденного на смерть.

Илья с трудом переставлял ноги. В голове, словно набитой ватой и утыканной иголками, не было ни одной связной мысли. Его вели убивать, а он даже не сопротивлялся.

Длинный мрачный коридор с обшарпанными стенами и железными дверями камер. Ему в спину неслись крики:

– Сдохни, тварь!

– Туда тебе и дорога!

– Боже, храни короля!

– Умри, ублюдок!

Сколько ненависти и боли было в этих словах. В камерах отбывали наказание люди, которые еще совсем недавно держались у руля власти, которые поддерживали короля Имрана, прозванного Кровавым, которые кормились из его рук. Об этом Давыдов узнает тоже намного позже, а пока он шел, осыпаемый проклятиями тех, кто стоял рядом с Имраном в годы его величия и помогал совершать ему все те злодеяния, в которых его обвиняли и за которые его теперь вели на плаху.

Коридор закончился решеткой. Его развернули и уткнули лицом в стену. Тут же раздался скрежет ключа, проворачиваемого в замке. Его грубо схватили за плечи, развернули и толкнули в дверной проем. За открытой решеткой показались ступени лестницы, и он начал подъем, дыша в красную спину гвардейца.

Его привели в просторную комнату, где из мебели был лишь стул без спинки и зеркало на стене. Его усадили на стул, и Илья посмотрел на себя в отражение и ужаснулся.

Тот, кто смотрел на него из зеркала, не имел никакого отношения к Илье Давыдову. Чужое отвратительное лицо, которое он тут же возненавидел. Как это было возможно? Куда пропал его облик? Где его казавшееся наивным лицо с глянцевого обложки, как любили говорить девушки, с которыми он встречался. Вместо него из зеркала смотрел суровый мужчина с горбатым носом, зелеными глазами, густой черной бородой и длинными волосами. Несмотря на сильную запущенность, в нем чувствовалось благородство. Так мог бы выглядеть король, вернувшийся из затянувшегося военного похода.

Послышались шаги, и Давыдов увидел человека в белом халате, возникшего за спиной. В следующие полчаса ему обрили налысо голову, но, удивительно, оставили бороду. После этого отвели в душ, где полчаса его поливали то холодной, то горячей жутко вонючей водой.

Когда водные процедуры были закончены, ему выдали грубое вафельное полотенце и новую одежду. Илья вытерся и оделся. Серые простые штаны, подпоясанные веревкой, серая нательная рубаша и ботинки.

Неужели всё? Остались последние шаги, и его выведут на казнь. Это последние глотки воздуха.

Илья не хотел в это верить. Это не могло все так закончиться. Так жестоко, глупо и бессмысленно.

Его вели по коридору, когда он внезапно остановился. Ноги дальше не шли. Гвардейцы попытались его спихнуть с места, но Давыдов уперся в пол, словно врос. Трое гвардейцев подхватили его под руки и потащили за собой.

И снова лестница. Его вознесли наверх и поставили. Илья дернулся раз, другой, освобождаясь от объятий гвардейцев.

– Я сам! – проревел он.

Последние шаги. Его больше никто не поддерживал, больше никто не держал. Он вошел в большую белую комнату, одну из стен которой заменяло окно. Возле него стоял знакомый Магистр Крот. На появление Давыдова он даже не повернулся.

Илья ничего не понимал, остановился на пороге. Его подтолкнули вперед, и он приблизился к Кроту.

Теперь стало ясно, что он на закрытой смотровой площадке. Из окна открывался вид на площадь, заполненную народом, по центру которой находилось лобное место, огромный деревянный помост с гильотиной. Смотровая площадка располагалась справа от места казни, которую можно было рассмотреть в мельчайших подробностях.

Возле гильотины стоял Магистр Ульрих Череп в белом балахоне с откинутым капюшоном. На его руках были черные перчатки, а на груди висела золотая цепь с солнечным диском.

По ступенькам в сопровождении двух гвардейцев поднялся Магистр Серж Рыжий. С его появлением включились огромные экраны, расположенные по обе стороны от лобного места.

Толпа завывала, затрубила, пришла в движение. Люди неистовствовали. Они чувствовали скорую кровь, и это чувство пьянило их.

– Сегодня казнят не только тебя, а также всех твоих приспешников. Люди должны быть сыты, удовлетворены, – тихо произнес Магистр Крот, но Илья услышал его.

Он не понимал, если ему суждено умереть, то что он делает на смотровой площадке, ведь его место на помосте возле гильотины. Может, Крот решил прочитать ему последние наставления. Да пошел он, пусть засунет их себе в

задницу. Давыдов не знал, как так получилось, что у него теперь другое лицо. Но он ничего преступного не сделал. Его совесть чиста. Жил тихо, в свое удовольствие. Никому не вредил, впрочем, и добра особого не совершал. Серая неприметная жизнь. Может, и правда он заслужил смерть.

Площадь, охваченная жаждой крови, взорвалась криками. Это на лобном месте появился первый осужденный. Он шел, с трудом переступая с ноги на ногу. Обритая налысо голова опущена вниз. Каждое движение выдавало в нем уставшего, убитого человека.

Давыдов уставился на новое действующее лицо с жадностью. Что-то казалось ему знакомым в движениях этого человека. А когда на большом экране появилось крупно лицо приговоренного, то Илья тут же узнал его. Именно это лицо смотрело на него из зеркала.

Магистр Серж Рыжий заговорил, и голос его разнесся над площадью, усиленный сотнями динамиков.

– Виновный перед человечеством, перед народом королевства Поргус кровавый диктатор Имран сегодня предстает перед вами, чтобы ответить за все свои преступления. Десятилетиями вы дрожали перед одним лишь его именем, теперь же настала пора дрожать ему перед вашим гневом. Узрите, люди славного королевства Поргус, вашего бывшего короля Имрана, прозванного Кровавым.

Толпа взревела.

Крот обернулся и впился взглядом в Давыдова.

Илья не дрогнул. Он смело смотрел в глаза своего палача.

– Ты хочешь спросить, что здесь происходит. Хороший вопрос, – заговорил Крот. – Тебе выпал уникальный шанс увидеть собственную казнь, Имран. Смерть для такого, как ты, слишком легкий выход. Но, к сожалению, народ не примет другого наказания. После долгих кровавых лет народ жаждет увидеть возмездие своими глазами. Но мы, твои палачи, хотим, чтобы ты вдоволь испил чашу страданий. Ты должен отплатить болью за все, что сделал в своей жестокой жизни. Поэтому, Имран, сейчас под ножом гильотины другой примет

смерть. Не бойся, этот человек такой же кровавый упырь, как и ты. Его лицо исправлено под твое. Так что все видят тебя. Тебя же ждет ссылка в самую гнусную вонючую дыру. На каторгу. Но сначала ты увидишь свою смерть, Имран Кровавый. Потому что с этой минуты твое имя Джек Клеймёный.

Взвизгнула сталь.

Упал нож.

Покатилась голова.

Толпа сыто взревела.

Король Имран Кровавый расстался с жизнью.

Началась новая жизнь.

Глава 3. Джек Клеймёный

Илья не мог забыть, как упал нож, и голова полетела с плахи. Кровь, море крови, которой так возрадовалась толпа. На экранах показалась крупно голова казненного с выпученными глазами, вываленным из раззявленной пасти языком и подрагивающими губами. Люди ликовали. А Илья не мог оторвать глаз от экрана. На месте этого несчастного должен был быть он. И вот теперь, когда эта участь его миновала, на Давыдова напало странное оцепенение. Он не мог говорить, не мог пошевелиться, только шумно дышал, словно вытащенная на берег рыба.

– Смотри внимательно, Джек. Запомни это лицо. Пусть оно преследует тебя по ночам. Пусть не дает тебе ни минуты покоя.

Магистр Крот обернулся и пристально посмотрел на Давыдова.

– Это наш последний разговор, Джек. Больше мы никогда не увидимся. Ты еще жив. И вероятно, проживешь еще некоторое время. Но очень мало. И каждый день твой последующий будет наполнен страданиями. Я очень на это надеюсь. И хочу верить, что ты будешь вспоминать замученную тобой несчастную Эльзу.

Кто такая Эльза? О чем говорит этот странный человек? Давыдов не знал, но решил, что не будет больше выставлять себя дураком. Лучше молчать и впитывать в себя информацию, потом из этих крупыц он сможет воссоздать истинную картину мироздания. А пока надо быть благодарным за то, что еще дышишь и видишь.

– Уведите эту мразь! – приказал Магистр Крот.

На плечо Ильи опустилась рука гвардейца. Его развернули и снова повели. Ему оставалось только покорно переставлять ноги и разглядывать красную спину служаки. Стражники выполняли свою работу молча, но Давыдов чувствовал ненависть, которую они источали. Они шли рядом с человеком, которого мечтали убить, но при этом ничего не могли сделать. Они должны были охранять его жизнь и ненавидели себя за это.

Илья думал, что ему предстоит путь вниз, назад в каменную дыру, но он ошибался. Они прошли по коридору, спустились вниз и вышли во двор, где ему на голову надели мешок. Больше он ничего не видел. Но почувствовал, как его посадили в какое-то кресло, хлопнула дверь, и машина завибрировала, словно оторвалась от земли. Послышался шум. Они явно полетели.

В мешке все по-другому. Можно легко потерять связь с реальностью. Он не сразу сообразил считать секунды, чтобы узнать, как долго они летят. Когда машина опустилась и заглох шум винтов, он насчитал сорок минут. Значит, для ровного счета их путь занял где-то час.

Его выволокли из машины, стянули мешок. Свет больно резанул по глазам. Ему не дали опомниться и куда-то поволокли. Когда зрение настроилось, он увидел пыльный двор, окруженный кирпичными стенами, и две пулеметные вышки, на которых виднелись солдаты. Вероятно, какая-то военная база. Впереди показалось трехэтажное здание из белого камня с крыльцом, возле которого стояли двое солдат в серой поношенной форме. В сопровождении гвардейцев Илья поднялся по ступенькам. Дверь перед ним открылась, и он вошел внутрь.

Давыдов оказался в сером казарменном помещении, в котором угадывался приемный покой. Здесь его ждал новый караул – трое солдат и офицер. Гвардейцы остановились. Один из них подошел к офицеру, протянул ему планшет. Тот мельком взглянул на экран, кивнул удовлетворительно и приложил руку. После этого гвардеец потерял интерес и к солдатам, и к заключенному, и направился на выход. За ним последовали остальные. Солдаты окружили Илью. Офицер презрительно посмотрел на него и, не сказав ни слова, направился вглубь здания.

Похоже, его передали из одного ведомства в другое. Как там говорил Магистр Крот, он теперь каторжанин. Значит, эти ребята в сером отвечают за преступников. Интересно, он прибыл на место каторги, или это только пересылочный пункт?

От событий последних дней Илья устал. И ему теперь было плевать, куда его привезли и с какой целью. Магистр Крот сказал, что ему сохранили жизнь, а это главное. Стало быть, он выпутается. Обязательно выпутается из этой передряги.

Давыдова ввели в маленькое квадратное помещение, заставленное каким-то оборудованием. Больше всего оно напоминало кабинет врача стоматолога-садиста. Солдаты усадили его в кресло. Илья не сопротивлялся. Его закрепили в кресле ремнями, так что даже не пошевелиться. И он не двигался, потеряв ко всему интерес.

Больше всего Илья хотел, чтобы все побыстрее закончилось, и он остался один. Тогда он сможет собраться с мыслями и попытаться осознать все то, что с ним сегодня произошло. Но сначала он провалится в сон, глубокий и черный, как дыры в космосе.

Илья лежал в кресле, скованный ремнями, и не мог пошевелиться. Он видел, как появился человек в черном халате и в маске, скрывающей нижнюю часть лица. На маске виднелся рисунок – череп со скрещенными костями. Этот рисунок ему не понравился. Но в то же время вызвал улыбку. Только пиратов ему сейчас не хватало. Тем временем Пират приблизился, внимательно и бесцеремонно его осмотрел, довольно хмыкнул и исчез из поля зрения. Загремели металлические предметы, словно кто-то перебирал в жестяной миске кухонные ножи. Вскоре Пират вновь появился перед глазами Ильи. Теперь у него на руках были резиновые перчатки, в которых он держал какой-то инструмент, с виду напоминающий бластер из фантастического фильма. Пират задорно подмигнул

Илье и опять скрылся из виду. Тут же Давыдов почувствовал, как к его затылку прикоснулось что-то холодное. И в следующую секунду волна боли захлестнула его разум.

Такое чувство, что кто-то выжигает у него на затылке. Бритый наголо череп охватило огнем. Как потом оказалось, его догадка была верной.

Его клеймили. Илья не мог видеть, что происходит, но, когда все закончилось, добрый Пират похвастался своей работой. На экране перед глазами Давыдова появился его затылок с восьмиконечной звездой, в центре которой скалился череп и цифра «88». Затылок саднило. Кожа горела. Хотелось дотронуться до больного места, почесать. Илья думал, что на этом все кончилось, но не тут-то было. В комнате появился новый аппарат, больше похожий на аквариум с визором. Внутри круглого прозрачного шара колыхалась желеобразная субстанция. Аквариум замер рядом с Давыдовым. В следующую секунду Илья почувствовал давление у себя на шее. Пират схватил его и погрузил в маску визора, которая полностью скрыла лицо. Тут же голову зафиксировали специальные держатели, и теперь как он ни рыпался, вырваться из ловушки не мог. Его голова погрузилась в какую-то вязкую жидкость. В нос ударил острый запах плесени. И тут же начался ад.

Илья несколько раз терял сознание, а когда приходил в себя, окунался с головой в океан боли. Это было невыносимо. Это сводило с ума. Но он все-таки выстоял. Когда все закончилось, и Пират убрал аквариум, Давыдов не мог пошевелиться. Силы покинули его. Он сидел в кресле, словно овощ в грядке. Безучастный ко всему, отрешенный. В этот момент ему стало все равно, что с ним будет. Пират похлопал его по лицу, не дождался ответа, усмехнулся и остался доволен своей работой.

Илья посмотрел в отражение и не узнал его. Что они с ним сделали? Из зеркала на него смотрел чужой человек, совершенно незнакомый. Это не был облик короля Имрана. И вроде бы лицо осталось прежним, но в то же время что-то неуловимо изменилось. Черты лица те же, глаза те же, лоб тот же, губы те же, но при этом лицо в отражении было чужим, не похожим на короля Имрана, казненного на гильотине.

За последнее время с ним произошло столько всего, что очередное изменение он воспринял с равнодушием.

Палач ушел куда-то в сторону, но вскоре вернулся с новым инструментом пыток, похожим на пистолет. Неужели после всего, что он вытерпел, его все же решили пристрелить, как бешеную собаку. Илья даже улыбнулся. Лицо тут же отозвалось болью. Такой выход виделся ему сейчас наилучшим. Пират приставил дуло пистолета к шее Ильи и нажал на кнопку. Давыдов почувствовал укол, а затем словно кто-то вгрызся в него.

Пират отошел в сторону, положил пистолет на столик и потерял интерес к пациенту.

В комнате появились солдаты. Они отвязали Илью от кресла, подняли его на ноги и поволокли прочь.

Илья не знал, куда его ведут, что ждет его впереди. Но сейчас он не готов был сопротивляться. Он словно бревно в стремнине реки неся по течению, не ведая, что ждет его за поворотом.

Они долго куда-то шли, потом спускались на лифте. И, наконец, они оказались на каменной площадке, от которой расходились лучами коридоры, вдоль которых виднелись пронумерованные двери. Их поход по коридору закончился возле двери с номером тринадцать. Один из солдат коснулся ладонью стены, и дверь открылась. Его втолкнули внутрь, ударив в спину прикладом автомата. Илья не удержался на ногах и упал.

– О! Еще один Джек Клейменный. В нашем полку прибыло! – послышался голос.

Илья вздрогнул и попытался вскочить на ноги. После всего того, что он пережил, тело плохо слушалось. Он поднялся, но ноги заплелись, и он вновь упал. Кто-то схватил его за плечи и рывком вздернул наверх.

– Не ссы, мужик, в одной дырявой лодке гребем. Тут никто тебя не тронет, – прозвучал участливый голос.

Илья увидел, что находится в тесном бараке, заставленном нарами и скамейками. Люди были повсюду. Все в серой казарменной одежде, грязные, озлобленные, с позорными клеймами на затылке. Их было несколько десятков, осужденных за неизвестные Давыдову преступления. Справедливо ли? Кто знает. Он-то ни в чем не был виноват, однако тоже оказался в каторжной яме.

– Ты, браток, местечко себе выбирай. Только не обессудь, тесно у нас тут, – зазвучал голос.

Его хозяин крепкий, мощный мужик с огромными ручищами, добрыми глазами и кучерявой бородой был похож на древнего грека, которому бы возлежать на подушках, потягивать из кубка разбавленное вино да размышлять о смысле бытия, а не гнить в каменном мешке.

Интересно, а откуда у него такое участие. По прошлой жизни из фильмов и книжек Илья помнил, что в тюрьмах народ ушлый и сразу пытается прогнуть новичка, чтобы заставить его петь под свою дудку, а тут доброе участие и забота. С чего бы это? И он тут же увидел ответ. Тюрьмы разные бывают: уголовные и политические. Его, судя по тому, что он успел выцедить из окружающего пространства, кинули к политическим.

– Меня Фома зовут. Бродник моя фамилия. Хотя тут мы все Джеки Клейменные. А тебя как?

Здоровяк помог Давыдову усесться на свободные нары.

Хороший он вопрос задал. Прямо в самое сердце. Кто он теперь? Как разобраться? Называться Имраном – гнилое решение. Судя по всему, в королевстве его не сильно любили, да и казнили его, поэтому он сказал имя из прошлой жизни.

– Илья. Давыдов.

– Хорошее имя, – оценил Бродник. – Ну, будем знакомы. На воле я бы предложил по такому случаю по рюмочке. Но об этом нам теперь забыть придется, как о счастливом сне.

Этот Фома раздражал его. Илья хотел бы завалиться на нары и провалиться в черный мертвый сон. Но он жужжал над ухом, как назойливая муха. Где тут отдохнуть.

Давыдов решил для себя пока ничего не предпринимать. Какое-то время осмотреться по сторонам, понять, куда его закинула судьба, побольше разузнать

о королевстве и Имране, потому что в знание сила, и только потом можно будет решить, как действовать дальше. Гнить на каторге он не собирался. Он должен был выбраться из этой ловушки на свободу.

– За что мы тут? – спросил он.

– О, парнишка, да тебе, видно, здорово досталось. Память совсем отшибло. Это бывает. Вон Карен Серое Ухо первые три дня вообще в себя не приходил, все кошмарами мучился. А когда очнулся, то помнил только о времени до ареста, а все, что было после, как ластиком стерло. А ты помнишь, кем ты был до ареста? Я вот тебя что-то не припоминаю.

– Нет. Не помню, – отрезал Илья.

– Плохо дело. Видать, сильно досталось. Мы все тут оказались в результате государственного переворота. Эх, кто бы мне сказал пару месяцев назад, что я стану Клейменым, и будущее мое – мааровые рудники, никогда бы не поверил. Я бы такого пророка с лестницы спустил, да собак бы натравил, чтобы неповадно было. Эх, какие у меня были собачки. Все сплошь породистые, холеные. Я бы за свою свору по нынешним меркам мог бы целое состояние получить, а эти дикари их перестреляли всех. В тот страшный день моего ареста.

Фома зарычал от злости.

– Что за переворот? – напомнил Давыдов.

– Так это. Скинули короля нашего Имрана. Он мужик был серьезный, но прошлепал у себя под носом заговор. Несколько его министров сговорились и организовали переворот. А всех, кто был предан Имрану, арестовали. Кого казнили тут же, это из самых высоких, кто от короля отрекся, того помиловали да сослали в глушь. А кого и клеймили, как нас с тобой. Я при Имране возглавлял сыскную полицию Октарии, столицы королевства. Славное было время.

– А Имрана за что свергли? Плохой король был? – спросил Илья.

Магистр Крот и другие постоянно твердили ему, что Имран был кровавым диктатором, но, судя по словам Бродника, это было не совсем так.

– Злой был король, но справедливый. За дело свое болел. Иногда был жесток. Но как тут жестоким не быть, если со стороны созвездия Гончих Парриты нависают, а в созвездии Огненной Колесницы червоточины одна за другой появляются. Внутри королевства шпионов, как вшей на кабыздохе. Тяжелое положение. Вот и пытался Имран тяжелой рукой порядок в доме навести. Не всем это нравилось. Многие же как, лишь бы брюхо набить, да вина вдоволь, бабенку под бок пышнотелую, вот и все счастье. Большого-то и не надо. Налоги в последнее время сильно поднялись. Подданные роптать начали. Митинги устраивать. Провокаторов-то в народе работало море. Бедным на разум лей не хочу, все в радость будет. Куда польешь, туда и пойдут. Мы кого поймали, кого казнили на месте. Порядок-то навели. Но людям это не по духу пришлось. Цены растут. На границах неспокойно. В удачное время заговор случился. Эти магистры хорошо все рассчитали.

Бродник умолк и задумался. Илья ему не мешал. Самому было о чем поразмыслить. Со слов Фомы вырисовывался другой портрет Имрана. Не такой уж страшный правитель выходил. Вполне себе в духе времени. Тут явно требовалось детально разобраться, прежде чем выносить приговор. Может, если разобраться в фигуре Имрана, он сможет понять, как оказался в этом мире, в этом теле.

– Скажи, Фома, а мы так и будем гнить в этой яме? – спросил Илья.

– Ты что, болезный, еще пару дней и нас всех отправят прямым рейсом в Пекло.

– Нас расстреляют? – безучастно спросил Давыдов.

– Пекло это каторжная планета. Находится на самой периферии королевства. Там мааровые рудники. Вот нам и предстоит маар из недр выковыривать. Тяжелая, убийственная работа. Так что нам, можно сказать, последние денечки остались в спокойствии да лени. А дальше жизнь под откос пойдет. Слушай, Давыдов, мне кажется, я тебя где-то видел. Очень уж лицо у тебя знакомое.

Илья внутренне сжался. Неужели сейчас в нем узнают короля Имрана. Пират сотворил с его лицом что-то, он теперь совсем чужой. Но неужели старые соратники короля смогут опознать его под маской. Кто знает, что они сделают после этого.

– Нет, определенно я где-то видел тебя. Ладно, отдыхай.

Бродник забрался на верхнюю полку нар и через несколько минут захрапел.

Глава 4. Новые люди нового мира

В каменном мешке отсутствует понятие времени. Снаружи, на воле, день сменяется ночью. Здесь же тянутся серые, как грязные гостиничные простыни, будни, которым не видно конца.

Первое время Илья отлеживался. Он лежал на спине, безучастно пялился в коричневые доски верхних нар и никак не реагировал на окружающий мир. Случись в бараке пожар, потоп, поножовщина, он вряд ли это заметил бы. Несколько раз его пытался растормошить Бродник, но все бесполезно. Илья даже не реагировал на жратву, которую регулярно приносили тюремщики.

Давыдов пытался разобраться в себе. Каким-то немыслимым образом он оказался в другом теле, в новом мире, весьма, надо отметить, недружелюбном к нему. Он чудом избежал смертной казни. Теперь его ждут неведомые рудники, которые наверняка убьют его. Но это все потом, а сейчас он пытался разобраться, что чувствует по отношению к своей прежней жизни, где он был простым офисным служащим в городе на Неве с солидным жалованьем, но скучной жизнью. Вырванный из привычной родной грядки, он почему-то не испытывал сожаления и желания проснуться от кошмарного сна в своей постели в старом пятиэтажном доме на углу Садовой и Мясницкого переулков. Он потерял прежнюю жизнь, утратил безвозвратно, но почему-то даже был рад этому.

Что это с ним такое творится? Почему все так?

Неужели его прошлая жизнь была такая недостойная, бессмысленная? Нет. Он не мог так сказать. Пусть он и не хватал звезд с небес, но чувствовал себя нужным и правильным. Но сейчас, оказавшись в другом мире, в нем проснулся неведомый ранее дух исследователя. Такой, вероятно, жил в душах великих путешественников, которые открывали новые острова и континенты. Он тоже сделал открытие, открыл для себя новый мир, и теперь его цель – разобраться в

нем. А для этого ему нужно было спасти себя от гибели.

На второй день Фома познакомил Илью с Кареном, прозванным Серым Ухом. Левое ухо у него и правда было серого цвета, словно отмершее.

– Я был в прошлом на мааровых рудниках. Приводилось инспектировать это место. Правда, я летал на Тоску, но там что ни планета, то все одинаковое. Ничего хорошего нам не ждать. Это кладбище, где разгуливают мертвецы. В среднем люди там живут пару лет, если это можно назвать людьми и жизнью. Маар там повсюду. Он витает в воздухе и постепенно проникает в тебя, разрушает изнутри. Защиту, конечно, дают, только что там эта защита. На рудниках полно поклонников Имрана. Он в свое время любил людей туда отправлять за любую провинность. Кровь попусту не любил тратить. Говорил, что из всего пользу извлекать надо. Если человек и провинился, то лучше пусть отработает, тело свое на переработку пустит, а пользу принесет королевству. Там такого добра полно. Так что нам, бывшим винтикам в механизмах Имрана, ничего хорошего ждать не стоит. Но и просто так мы не сдадимся, вместе держаться надо, мужики. Вместе мы сможем себя отстоять.

Карен Серое Ухо говорил тихо, но все в бараке обратились в слух. Такой идеальной тишины Илья никогда в своей жизни не слышал. Лишний раз вздохнуть боялись, чтобы ничего не упустить.

– Маар добывают в проходческих машинах, типа «Горняк». Там с виду ничего сложного, но повозиться в первое время придется. Механизмы старые, но надежные.

– Можно ли выбраться оттуда? – спросил парнишка лет двадцати с испуганными глазами.

– Не помню я таких случаев. Обманывать не буду. Место глухое. Охраны море, но они все на базе, на Луне. Каторжники же снабжены ошейниками. Вы их уже носите. Помните укол в шею. Так вот, если что не так, бунт какой или эпидемия, то со спутника включают систему ликвидации. И все поголовно мрут. Так что о свободной жизни можно и не мечтать. Но и на Тоске люди устраивались. Там свои порядки, свои законы. Так что если будем держаться вместе, сможем сколотить свою команду и установить свои границы, тогда нам никто не будет страшен. Правда, для этого придется поработать, может, и кровь пролить.

Илья видел в заключенных страх. Он бросался в глаза. Они, как и он, были вырваны из привычного мира, где чувствовали себя уверенными в завтрашнем дне, чувствовали себя хозяевами жизни, теперь, потеряв твердую почву под ногами, они пытались ее нащупать, но все было настолько зыбко и неустойчиво. За каждым из этих людей стояла история. Здесь кто был крупным влиятельным чиновником, кто военачальником, кто просто директором школы, теперь же все они были расходным материалом. Свыкнуться с такой мыслью тяжело, если не сказать – невозможно. Поэтому и слушали откровения Серого Уха как божественное – с надеждой и слепой верой.

Когда Карен закончил, он пересел поближе к Броднику и Давыдову.

– Ты правда считаешь, что у нас есть шансы? – спросил Фома.

– Если между собой не перегрыземся, то очень даже. Нас тут новых политических – целая уйма. Мы имрановских политзаков задавим численностью. К тому же мы еще здоровы и сильны, а они уже доживают свой век. Маар делает свое дело. Дрянь, надо сказать, знатная.

* * *

Утром их разбудили рано особым способом. Голову пронзила страшная боль, словно раскаленный штопор ввинчивали прямо в мозг. От неожиданности Илья свалился с кровати, схватился руками за голову, пытаясь сдержать боль, и увидел, что в бараке началась эпидемия. Осужденные катались по полу, бились головой об стены, рвали постельное белье на лоскуты. Вскоре это закончилось, и Илья услышал внутри себя голос. Судя по остекленевшим взглядам собратьев по несчастью, они тоже слышали его.

«Всем. Всем. Всем. Немедленно встать. Построиться в колонну по двое перед дверями. Не оказывать сопротивления. Любые попытки неповиновения будут караться болью. Каждый из вас имеет свой порядковый номер. Сейчас вы увидите его. Отныне каждый из вас носит имя Джек и индивидуальный номер. Любые попытки обращения друг к другу иначе будут караться болью. Через три минуты за вами прибудет конвой. Вы будете отведены в Зону 13, откуда осуществляется отправление грузового транспорта к месту вашей каторги, планете Пекло. Там вы найдете комплекты униформы. Ее ношение обязательно. Попытки отказа от униформы будут караться болью».

Голос умолк, но после него осталось послевкусие – щекотное ощущение в мозгу. Хотелось вскрыть черепную коробку и почесаться.

На пол спрыгнул Фома Бродник.

– Кажется, всё. Нас отправляют. Я, получается, Джек Тринадцатый.

– А я Джек Восемьдесят Восемь, – назвался Илья.

Рядом оказался Карен Серое Ухо, подкрался бесшумно.

– Седьмой я Джек, – представился он.

– Чего это ты Седьмой. Тебя что, раньше всех взяли? Ты вообще при Имране чем занимался? – любопытствовал Бродник.

– Я тюрьмы инспектировал. В Комитет Смотрителей входил, – признался Карен.

– И что теперь? – спросил Илья.

– Надо делать то, что они говорят. У нас выбора нет, – сказал Бродник.

– Чем это они нас жажнули? У меня голову так скрутило, как никогда в жизни, – сказал Илья.

– У каждого Клейменого в шее капсула управления – «разгонник». При ее помощи нам утром побудку и устроили. При ее помощи хозяева с нами разговаривают. Думаю, что при ее помощи будут и с провинившимися расправляться, – ответил Карен.

– Думаешь, будут дерзкие? – удивился Бродник.

– Уверен в этом. Глупые часто дерзкие. Глупые часто лезут на амбразуру. В то время как умный найдет способ уничтожить ее изнутри.

Тем временем возле дверей барака стали выстраиваться заключенные. Они вставали парами друг за другом. Но были и те, кто оставался сидеть на нарах, ожесточенно уставившись на исполняющих приказ невидимых хозяев. Было видно, что они считают их покорными баранами, ведомыми на убой. Никто из оставшихся сидеть не собирался подчиняться.

– Пойдем, – предложил Карен и направился к дверям.

Он встал в пару с темнокожим великаном, у которого на затылке была выжжена цифра «17».

Ильей овладело оцепенение. Умом он понимал, что надо встать в колонну заключенных, но ноги не шевелились. Его не должно быть здесь. Все, что происходит с ним, это нереально. Какие бараки и Клейменные Джеки, какая каторга? Сейчас он напряжется и проснется в своей квартире в холодном, продуваемом всеми ветрами городе на Неве. Но пробуждение не наступало.

– Надо идти, – подтолкнул его Бродник. – В этом бунте нет смысла. Они боятся слезть со своих нар, потому что это первый шаг в новую жизнь, по большому счету первый шаг к концу. Их непослушание от страха идет.

Давыдов услышал его. Вдвоем они встали вслед за Кареном и темнокожим Семнадцатым. В нос ударил запах застарелого пота и корицы.

Кое-кто из сидевших все-таки слез и неуверенно встал рядом с колонной заключенных. Они были как бы рядом, но в то же время в стороне.

Двери барака открылись ровно через три минуты. В голове Ильи прозвучал резкий свистящий сигнал, и тут же колонна пришла в движение. В коридоре их ждали серые солдаты, вооруженные автоматами.

Илья не удержался и бросил взгляд на ослушавшихся. На нарах осталось всего несколько человек. Остальные столпились группой в проходе и смотрели настороженно на маячивших в коридоре конвоиров. Они боялись оставаться на месте и не могли присоединиться к колонне из чувства гордости. Почти все из них занимали при свергнутом короле высокие посты, привыкли к поклонению и не могли принять новые реалии, казавшиеся им извращенными.

Карен и Семнадцатый сделали шаг вперед. Давыдов и Бродник последовали за ними.

Они уже вышли в коридор, когда волна расплаты накрыла ослушавшихся. Из барака слышались крики боли и вопли ужаса. Илья обернулся и увидел страшную картину, как люди, потеряв человеческий облик, падали на каменный пол и начинали кататься, раздирая на себе одежду и уродуя тело обломанными ногтями. Это было похоже на то сумасшествие, которое разбудило их, только в тысячу раз ужаснее. В бараке больше не было людей, остались лишь визжащие клубки боли.

Ближний конвоир что-то крикнул ему, Илья не разобрал, и ударил его в спину прикладом автомата. Давыдов вынужден был отвести взгляд от страшного барака и продолжить путь вслед за остальными. Он нагнал колонну и зашагал рядом с Бродником.

– Чем это они так людей глушат? – сквозь зубы прошипел Фома. – У нас его королевское величество в застенки хоть и сажал, но не издевался так. Откуда у этих паскуд такой страшный кнут взялся?

– Я не знаю, – признался Илья, и это было правдой.

Он ничего не знал и ничего не понимал. Оказавшись в чужом мире, в чужом теле, наедине с чужими проблемами, он чувствовал себя ребенком, заблудившимся в лесу. Чтобы спастись, ему не хватало знаний и опыта, и он следовал по течению, впитывая в себя весь поток информации, поступающий извне. Сейчас он был пассивным наблюдателем, но все, что он слышал и видел, должно помочь ему в будущем выбраться из ловушки, в которой он неведомым образом оказался.

Их привели в другой барак, помеченный табличкой «Зона № 13». Он находился в соседнем здании, и их вывели во двор, залитый палящим солнцем. За время, проведенное в камерах, Илья отвык от солнечного света, поэтому невольно сощурился. А когда глаза все же привыкли, они уже стояли перед дверями барака, но он все же увидел космический транспорт, который ждал их, чтобы отправить на каторгу. Огромная пузатая посуда, похожая на раздувшегося от обжорства крокодила, с хищной пастью корабельной рубки, ошетиленной клыками бортовых орудий. В следующее мгновение их втокнули в темноту

тюремного барака.

Все пространство его занимали серые затуманенные ячейки, похожие на душевые кабины. Ячейки были пронумерованы, и голос в голове потребовал, чтобы Давыдов занял цифру «88». Илья послушно нашел свою кабинку и вступил внутрь, в то же мгновение ячейка закрылась и стала заполняться сладким дымом. Это было неожиданно, но не страшно. Если бы его хотели убить, то отправили бы на гильотину, а не стали бы мариновать в бараке, чтобы потом отравить газом.

Он почувствовал, как его одежда расползается желеобразной субстанцией и стекает на пол. Первое время он старался не вдыхать в себя дым. Мало ли что. Но больше уклоняться не мог и все же задышал – судорожно, шумно. Газ оказался безвреден для него. Он пах чем-то детским, сахарной ватой и анисом.

Когда одежда полностью стекла с него и впиталась в пол, дым всосали стенки кабины, и Илья увидел полку, на которой аккуратной стопкой лежала новая форма – черного цвета с нашивкой на груди слева в виде оскаленного в усмешке черепа на фоне восьмиконечной звезды. Над черепом висел его порядковый номер «88». Возле полки стояли черные ботинки без какого-либо намека на шнурки или липучки.

Илья натянул на себя нижнее белье, серое, грубое, но неожиданно удобное. Затем надел рубашку с нашивкой, застегнулся на все пуговицы, засунул концы в штаны и затянул ремень. После чего примерил ботинки. Когда он всунул в них ноги, сначала правую, потом левую, тотчас понял, почему не было шнурков. Обувь подстроилась под ступни, тесно их обжав. Неожиданно оказалось удобно. Илья посмотрел на себя в отражение кабины и подумал, что если бы не клеймо каторжанина на голове и груди, он был бы похож на курсанта военно-космической академии.

Кабина раскрылась, и он вышагнул наружу. Несколько десятков каторжан уже стояли возле дверей барака и разглядывали друг друга. Тихо они переговаривались, стараясь не привлекать внимание стоявших в отдалении конвоиров.

Илья почувствовал першение в горле и острое желание покурить. Это было неожиданно. Никто вокруг не дымил табаком, и даже запаха его не

чувствовалось. Стало быть, в прошлой земной жизни Давыдов курил, иначе откуда это желание.

Одна за другой открывались кабины и появлялись новые каторжане, готовые к отправлению. Вдалеке Илья увидел Бродника, Карена и Семнадцатого. Они стояли рядом и что-то обсуждали. Давыдов направился к ним.

– ...сколько лететь? Да тьма его знает. Я когда инспектором был, то трое суток до Тоски добирался, а тут, может, быстрее, а может, наоборот, черепахами потащимся, – рассуждал Карен Серое Ухо.

– Побыстрее бы на борт, надоела эта тягомотина, – сказал Семнадцатый.

У него был тусклый голос с хрипотцой.

– Не торопись на Пекло. Тебе еще дни, проведенные в бараке, курортом покажутся, – сказал Бродник.

Илья не успел сказать и слова. Двери барака распахнулись, и началась погрузка на грузовой борт.

На площади перед звездолетом становилось очень людно. Прибывали новые колонны каторжан из других барakov, переодетых уже в черную форму. Здесь было несколько сотен обреченных на смерть на рудниках. Их грузили в транспорт, как скот заводили в стойло. Они шли, покорно переставляя ноги. Бунтарей не было. Все так же колонной по двое их завели в брюхо космического крокодила, где их уже ждали новые конвоиры в синей форме, вооруженные автоматами.

Илья в прежней жизни мечтал побывать в космосе, но понимал, что этой мечте не суждено сбыться. Развалившееся советское государство в последние годы не сильно интересовалось космическими программами, а новая демократическая эпоха принесла стране совсем другие проблемы. Тут уже не до космических кораблей было. Главное это выжить. Все это Илья знал по рассказам родителей да по смутным детским воспоминаниям. В школе он много занимался спортом, два года ходил на секцию карате, звезд с неба не хватал, но свое потом заработанное получил сполна. Он хотел подготовиться к поступлению в космонавты, но когда настала пора поступать в институт, родители настояли на

экономическом направлении.

«Космос – это химера, мираж, – любил говорить отец Ильи, – а умение складывать цифры, да получать проценты, это всегда хлеб с маслом да икоркой. Будь мужиком, а не слюнявым мечтателем».

И Илья уступил давлению. О чем впоследствии много раз жалел. Не было у него тяги к цифрам. Не умел он ими так легко жонглировать, как Коля Топорков, собрат по парте.

Теперь его мечте суждено сбыться. В течение часа они окажутся в открытом космосе, а через несколько дней он увидит другую планету, ступит на нее, но Илью это никак не трогало. Он не радовался, не волновался, не испытывал никаких чувств, словно его сознание погрузилось в вату.

В трюме конвоиры приступили к распределению. Никакого комфорта тут предусмотрено не было. С нижней палубы на грузовых платформах их подняли в жилую зону, где солдаты принялись трамбовать их по баракам. Ряды смешались, началось столпотворение, грозящее перерасти в хаос. Солдаты наводили порядок при помощи энергетических шокеров и резиновых дубинок. В отдалении стояли отряды карателей с наведенными на арестантов дулами автоматов. Если случится бунт, то он тут же будет кроваво задавлен в зародыше.

Илья держался рядом с Бродником, Кареном и Семнадцатым, и их запихнули вместе в барак. Они тут же оккупировали рядом стоящие двухэтажные нары, больше похожие на саркофаги. Но войны за лучшее место в бараке не было. Арестанты спокойно разбирали места, не споря и не ссорясь. Все были в одной дырявой лодке, никто не хотел ее раскачивать. Хотя, быть может, что арестанты еще не смирились со своей участью и продолжали жить мыслями о прошлом, не придавая значения настоящему.

– Я граф Гривер Дыкрик, – представился Семнадцатый. – Вернее сказать, бывший граф. Когда-то владел заводами. Теперь вот...

Давыдов пожал огромную ладонь чернокожего графа, удивляясь превратностям судьбы. Еще вчерашний властитель мира, теперь носил клеймо каторжанина. Творец Вселенной имеет весьма оригинальное чувство юмора.

– И за что тебя? – спросил Давыдов.

– Я был членом правительственной партии «Варгар». Входил в управленческий аппарат. Баллотировался в парламент. Вот за это и поплатился. Я вообще родом с Дыкрика, это мое родовое гнездо. Маленькая планета на окраине королевства. Еще сто лет назад мы были независимыми, но чтобы сохранить спокойствие и стабильность, присоединились к королевству по Итверской унии. Со студенческой скамьи я увлекся политикой и прилетел в столицу, чтобы вступить в «Варгар». Как-то так...

– Ты поддерживал Имрана? – спросил Илья.

Те люди, которые встретили его в новом мире, убеждали, что свергнутый король исчадие ада, кровавый тиран, но в бараках он видел вполне адекватных, мирных людей, которые были преданы Имрану, за что и поплатились.

– Его величество был сложной фигурой. Он, конечно, крови пролил, но это была преступная кровь. Когда в доме порядок наводишь, разве станешь жалеть паразитов, которые не дают жить тебе и твоей семье? Да, я поддерживал Имрана.

Тут было о чем подумать. Но Илья еще слишком мало знал, чтобы делать выводы. Не хватало информации.

– Магистры Круга Освобождения ловкие шельмецы. Они быстро отжали все рычаги управления королевством, но вот смогут ли их удержать, это покажет время, – сказал Карен Серое Ухо. – Имрану удавалось сохранять мир в королевстве, лавируя между интересами других государств. Получится ли у освободителей, это вопрос.

Илья задумался. Надо как-то хитро расспросить собратьев по лишению о мироустройстве, так чтобы они не унюхали в нем чужака. В лоб бомбардировать вопросами нельзя. Надо вытягивать информацию по крупинкам и как пазл восстанавливать картину мира. Что представляет собой королевство Поргус? Какие отношения связывают его с соседями? Чем вообще вселенная дышит? Вот главные вопросы.

Когда все саркофаги были разобраны, двери барака автоматически закрылись.

И голос в голове заговорил:

«Занять места внутри капсул. Лежать неподвижно. Не делать никаких резких движений».

Каторжане полезли на нары.

Илья устроился в саркофаге, который тут же закрылся. Хорошо, что Давыдов никогда не страдал клаустрофобией, иначе можно было и концы отдать от ужаса. Но он не успел это обдумать, как саркофаг стал заполняться какой-то жидкостью. Вскоре жидкость полностью покрыла его тело и добралась до лица. Он пытался вытянуть вверх голову, чтобы дышать, но это было бесполезно. Жидкость добралась до рта и носа и хлынула внутрь, и в то же время он провалился в пропасть небытия.

Глава 5. Пекло

Илья представить себе не мог, что его детская мечта окажется таким жутким разочарованием. Все время, пока звездолет дырявил космос, он провалился в отключке в ванне с какой-то желеобразной субстанцией, от которой после пробуждения сильно болела голова и во рту оставался привкус рвоты.

Их разбудили сразу после того, как корабль опустился на Пекло. Опять сильный разряд в мозг, и он всплыл в реальность, словно субмарина на последнем глотке воздуха. Перед глазами расплывались разноцветные круги, знобило. Крышка саркофага поднялась, и он выбрался наружу. Первые неуверенные шаги по палубе. Чтобы не упасть, он ухватился за крышку саркофага и остановился. Даже дыхание задержал, чтобы унять тошноту, которая поднялась к горлу.

Когда глаза привыкли к искусственному свету, Илья увидел каторжан. Они топтались на месте, бродили бесцельно вдоль саркофагов, рассматривали друг друга и свои отражения в зеркальных поверхностях стен. Они были дезориентированы в пространстве, подавлены и разбиты.

Но не все пассажиры очнулись от космической спячки. Илья насчитал восемь саркофагов, которые так и не открылись. Быть может, люди просто не проснулись, но откуда-то он знал, что это не так. Арестанты просто не выдержали перелет и умерли. Быть может, для них это был лучший выход.

Илья обернулся и вздохнул облегченно. Его новые знакомцы Бродник, Карен и Семнадцатый, назвавшийся Гривером Дыкриком, были живы. Фома сидел в саркофаге и безумными глазами осматривал барак. Карен Серое Ухо стоял возле нар, держался за саркофаг и блевал. Дыкрик стоял, уперевшись лбом в зеркальную стену, и, кажется, молился.

За ними пришли спустя четверть часа. Не дали окончательно прийти в себя, освоиться в новой реальности. Конвоиры вывели каторжан из барака и повели на выход.

Звездолет опустился на черное выжженное плато, окруженное ржавыми возвышенностями. Двойное солнце стояло в зените, но на улице было прохладно. Им никто не предложил защитные комбинезоны и маски-фильтры, в которых щеголяли конвоиры. Они были обреченным на вымирание материалом, который еще мог послужить на пользу отечеству. Их свергли, предали и обрекли на смерть, но ее еще нужно было заслужить. Ничто в этом мире не дается легко.

Под сапогами скрипел черный камень. Холодный ветер швырял пыль в лицо. Низко плыли грязные рыжие облака. Недружелюбное место. И ни одного живого существа из местных.

На плато возвышался белый купол, возле которого стояли башенки излучателей, нацеленных в небо. Звездолет стоял в нескольких метрах от базы.

Их построили возле корабля и пересчитали, для этого был подан импульс на капсулу контроля, вшитую в шею. Конвоиры выглядели сытыми и довольными. Вряд ли они болтались в блевотном желе во время полета. Холеные счастливые рожи палачей. Они предвкушали дорогу домой, а вот для Давыдова этот путь, кажется, закончился. Теперь Пекло стало его домом, вероятно до конца жизни.

В куполе открылись ворота, выехал автомобиль с хищно нацеленным на толпу заключенных пулеметом, и показались солдаты в серой форме и красных беретах. Во главе процессии встречающих шел офицер. Сухой, поджарый, с

вытянутым острым лицом и черной ниточкой усов. На его бритой голове красовалась фуражка с кокардой – рыцарский щит с перекрещенным кайлом и лопатой, по центру тележное колесо. На ремне у него справа висел энергетический хлыст, слева – пистолет в кобуре.

– Слушайте меня, утырки, и не говорите, что не слышали. Меня зовут полковник Филин. Это место форпост «Южный». Здесь вы в первый и последний раз. Такого еще не было в истории Пекла, чтобы каторжная душа поднималась на поверхность. Через несколько минут вы начнете спуск к Жерлу, где проведете остаток своих жалких никчемных дней. Там вы будете жить и работать. Жерло ваш новый дом, ваша тюрьма и ваша могила. Но это в будущем. Все вы преступники, ваша вина доказана, и надеяться, что когда-либо вы будете освобождены от участи сгнить заживо на мааровых рудниках, бессмысленное занятие. Вы не будете прощены. Никогда вам не искупить свою вину. Я не советую вам протестовать, бунтовать, жаловаться на судьбу. Это глупо, и за это вы будете наказаны. Вам кажется, что терять уже нечего, вы пали на самое дно, поверьте, мы сможем вас переубедить в этом. Мы – ваши стражники, ваши надзиратели, ваш ночной кошмар. Не забывайте это. Построиться и подготовиться к погружению в Жерло.

Полковник Филин потерял интерес к каторжанам. Он подошел к конвоирам, доставившим заключенных на Пекло, и стал подписывать передаточные акты.

– Веселое место. Ничего не скажешь, – тихо сказал Фома Бродник.

– Не то слово. Уже смеяться хочется, только не знаю, когда можно, – заявил Дыкрик.

Илья молчал. Он рассматривал расстилающийся перед ним пейзаж и не мог поверить в то, что находится на другой планете.

Еще несколько недель назад жизнь Давыдова была расписана. С понедельника по пятницу с девяти до шести работа в офисе, иногда с командировками и «вылазками в поля», как это называло руководство. В пятницу вечером поход с друзьями в бар. В субботу – головная боль, валяние на диване и созерцание телевизора. Воскресенье – поход по значным местам, вылазки на поиски любовных приключений, иногда кино или боулинг под пиво и бессмысленную трепотню с коллегами по работе. И так от недели к неделе.

Но сейчас он стоял под лучами чужого солнца, ежился от холода. Ему предстояло спуститься под землю, где остаток дней он проведет, добывая мааровую руду, необходимую для космических перелетов или чего-то такого. И он был счастлив. К тому же уверен, что раз один раз ему удалось выбраться из ловушки серой жизни, то и второй раз он выскользнет. Обязательно выберется на свободу.

Полковник Филин подписал все необходимые документы, обменялся с прилетевшими рукопожатиями и направился к форпосту.

Стражники окружили новоприбывших и по команде, громкий окрик, который было не разобрать, и короткий импульс в голове, колонна каторжан пришла в движение.

– Я бы сейчас не отказался от рюмки виски, – признался Карен Серое Ухо. – Хоть маленький глоточек.

– Я бы пивка дернул. Темного, – мечтательно процедил Фома Бродник.

– Я уже два года как завязал. Ничего не пью. Хотя раньше, бывало, в такие загулы уходил, что держите меня семеро, – сказал Дыкрик.

Илья удивился. Эти люди делали последние шаги по поверхности планеты, а рассуждали об алкоголе. Он не понимал, что они так прощались со свободой, вернуть которую не надеялись.

Их загнали под купол, построили на грузовой платформе, огражденной металлической решеткой, и начался спуск. Стражники остались на поверхности. Их скучающие, равнодушные лица еще долго виднелись в вышине. Правда, не обошлось без инцидента. Кто-то из охраны плюнул на голову заключенного. Клейменому это не понравилось. Он разразился бранью, попытался забраться на решетку, но был сбит выстрелом из силового ружья. Рухнув под ноги собратьев по несчастью, он продолжал проклинать всех и вся, обещая добраться до грязного ублюдка в форме и перегрызть ему горло.

– Кажется, я эту морду знаю, – задумчиво произнес Бродник. – Это Ли Форест, один из членов совета директоров «Королевского банка». Не знал, что его тоже взяли.

– Так он же был в особо близких отношениях с Имраном. Как не взять-то. Ему тут самое место, по революционной логике, – сказал Дыкрик.

Илья посмотрел с интересом на поднимавшегося клейменого. Ему было лет сорок, лицо в рытвинах, частично скрытых бородой, серые глаза, широкий лоб, рассеченный свежим, незажившим рубцом, и большие мускулистые руки. Он был больше похож на лесоруба, нежели на банкира.

– Чего пялишься? В морду хочешь? – зло спросил Ли Форест, заметив взгляд Давыдова.

Илья смолчал.

Спуск, казалось, продолжался целую вечность. Платформа двигалась по туннелю, похожему на пусковую ракетную шахту. Чем ниже они погружались, тем громче звучали голоса заключенных. Все, что копилось за недели, проведенные в бараках в ожидании решения своей участи, выплескивалось наружу. Люди делились своими мыслями и чувствами, вспоминали о прошлой, навсегда перечеркнутой жизни.

Наконец, платформа остановилась, и открылись ворота. Перед каторжанами показался освещенный туннель, и группа встречающих в черной форме.

«Вы свободны. В Жерле нет надсмотрщиков и стражей. Здесь вы предоставлены сами себе. Ваш барак тринадцатый. Старейшины объяснят вам правила, которые вы обязаны исполнять», – прозвучал в голове бесплотный голос.

От группы встречающих отделились трое мужчин и направились к платформе. Илья разглядел, что они были вооружены резиновыми дубинками и энергетическими хлыстами.

Хорошо стражники устроились. На нижние ярусы не ходят, отдали все на самоуправление старожилам. Сами заключенные и работы выполняют, и за порядком следят. А если что пойдет не так, то можно и залить Жерло огнем, выжечь все насмерть. Ведь всегда можно начать все заново, а рабочего материала в королевстве хватит.

– Привет, смертнички! Как добрались? Жалобы? Пожелания? – с сарказмом в голосе спросил один из встречающих, среднего роста мужик с жидкими седыми волосами и крысиным лицом. – Все меня называют Везунчик Билли. Вы можете меня звать так же. Я сегодня добрый, разрешаю. Мои ребята проводят вас до Загона. Осваивайтесь, у вас еще есть время. Правда, немного. Завтра с утра начнете вкалывать. А сегодня вечер знакомств, так сказать.

Крысеныш хохотнул и довольно потер руки.

Илье сразу не понравился этот Везунчик. Чувствовалась в нем гнилая натура. В прежней жизни он старался держаться подальше от таких типажей. Они мать родную готовы продать, ради теплого места под солнцем, сытой жизни и вкусной выпивки. С такими нужно держать ухо востро, чтобы неожиданно не оказаться за бортом истории.

– Также вам, новички, надо выбрать старосту вашей группы. Он будет за все держать ответ. От вашего лица говорить и за вас всех задницу подставлять, если что. У нас тут не церемонятся, гарвы позорные. Чего, бараны, встали, выходите и стройтесь. Радомир и Гален проводят вас.

Каторжники один за другим покидали платформу, но не уходили. Они смотрели на старожилов в ожидании команды.

Давыдов вышел вслед за Бродником и остановился в нескольких шагах от Везунчика Билли. Он о чем-то тихо переговаривался с высоким бородатым мужиком, похожим на поддатого байкера.

– Это местная полиция. Они работают на старейшин и следят за порядком и соблюдением законов Дна. Правда, любят устанавливать свои порядки. Говорят, что попасть к ним в немилость, это значит получить путевку на тот свет. Ничто не спасет, – поделился информацией Карен Серое Ухо.

Когда последний каторжанин спустился в Жерло, ворота закрылись, и платформа пошла вверх, отрезая путь к свободе. Теперь Давыдов мог сказать о себе, что оказался на самом Дне без какого-либо шанса на спасение. Но сдаваться он не собирался.

– Я Радомир. Пошли, гарвы, покажу вам ваши хоромы, – хохотнул подвыпивший байкер.

– Гарв – это на местном диалекте «слизняк» значит. Низшая ступенька в иерархии Дна, – поделился очередной порцией информации Карен.

– И откуда ты все это знаешь? – спросил Илья.

– Я же говорил. Раньше доводилось инспектировать рудники. Вот и набрался информации.

– Мы называем это место проспект Свободы. Он проходит через все Жерло. Это центральная улица нашего поселения. От нее отходят все остальные улочки, которые ведут к баракам, к столовой, к административным помещениям и к гаражам, откуда вам предстоит отправиться к месту своей работы. У нас тут все просто. Выполняешь правила, уважаешь своих братьев, не крысятничаешь, живешь достойно. Если же что не так, то не обессудьте. Кишки тут выпускают так же быстро, как сморкаются, – рассказывал Радомир. – Главные тут старейшины. Их четверо. Они управляют этим дурдомом, и слово их закон. В остальном разберетесь. Завтра в гаражах вы познакомитесь с бригадирами. Они распределят вас по группам, каждой из которой достанется определенный сектор добычи. Они озвучат вам нормы выработки и прочее, прочее, прочее. Советую впрячься сразу, чтобы потом не пришлось расплачиваться кровью за свою лень. Отстающие отправляются на встречу с Пеклом.

Больше Радомир не произнес ни слова. Они свернули с центрального проспекта налево и оказались на «13-й улице». Это было написано на стене краской по трафарету, а под названием скалился череп с зажатым в зубах клинком. Через несколько минут Радомир остановился перед стальными дверями, на которых виднелась полустертая надпись «Веселый барак».

– Ребята тут нервные, так что не сильно обижайтесь, если что, – предупредил он с довольной усмешкой.

Глава 6. «Веселый барак»

Это место больше напоминало солдатскую казарму, чем тюремный барак. Двухъярусные металлические кровати, выстроенные в три ряда. По центру стол, окруженный скамейками, на которых сидели четверо мужиков в серых майках и мешковатых штанах. Они увлеченно играли в карты, подзадоривая друг друга отборными ругательствами. Помимо игроков в бараке было еще человек десять. Кто-то лежал на нарах, дремал или просто паялся в потолок, кто-то разгуливал по помещению, заложив руки за спину, пытаясь сосредоточиться на своих мыслях. Двое каторжан сидели на корточках над вонючей дыркой в полу в дальнем углу барака.

Появление новеньких заставило прерваться игроков. Один из них, маленький щупленький мужик с рыжей бородой и мутными глазами, вскочил со скамьи и кинулся к ним навстречу.

– Это откуда таких красавцев в наши края занесло? – захлопал он в ладоши. – Свежее мясо. Свежая жертва подземным богам. Какая прелесть.

Рыжебородый пробежался вдоль ряда застывших новичков. Он пытался заглянуть каждому в глаза, для этого привставал на цыпочках. Выглядело это нелепо и смешно, но Илья почувствовал приступ гадливости. Было в этом человеке что-то такое, отчего хотелось срочно вымыть руки, после чего продезинфицировать их спиртом.

– Годное мясо. Порядок, Дырокол. Можно размещать.

– Слышь, уймись, Кузнечик, – послышался тяжелый хриплый голос.

Давыдов посмотрел на его обладателя. Это был полный коренастый мужчина средних лет с косматой бородой, маленькими, глубоко посаженными глазами, пухлыми щеками и чуть приплюснутым носом. В руках он держал игральные кости, которые то и дело подбрасывал и тут же ловил. Ни одна из костяшек ни разу не коснулась стола.

– Сядь, Кузнечик, не мельтеши. А вы, господа хорошие, располагайтесь, как удобно. Тут до вас бригада Ювера жила, так ни одного не осталось в живых. В шахте обвал произошел. Там их всех под камнями и похоронило. Так что вы теперь за них, – произнес тот, кого Кузнечик назвал Дыроколом. – Я староста барака. Так что по всем вопросам ко мне.

Давыдов устал. Дорога изрядно его вымотала. Несмотря на то что большую часть пути он провалялся в искусственном сне в вонючей ванне, чувствовал он себя разбитым. Илья выбрал место возле дальней стены, подальше от дырки в полу и от царской резиденции старосты барака. Этот Дырокол не внушал ему доверия. И пока он не освоился в новых для себя условиях, лучше держаться от всего подальше. Позиция наблюдателя в его случае идеальное решение.

Фома Бродник не оставил Давыдова и занял верхнее место на нарах. Гривер Дыкрик, чернокожий здоровяк, расположился по соседству. Его бугрящиеся под казарменным балахоном мышцы впечатляли. Никогда не скажешь, что они принадлежат графу, скорее лесорубу или мяснику. Он опустился на нижнюю полку, в то время как на верх забрался Карен Серое Ухо.

Илья опустился на нары. Ему было не по себе. Стоило представить, что некоторое время назад это место занимал другой человек, со своими мечтами и мыслями, чувствами и чаяньями, а теперь он валяется где-то в штольнях, раздавленный камнями, и гниет. Теперь же Давыдов заступил в строй, и, быть может, его ждет та же судьба. По крайней мере, надежд на спасение не было. Если верить Карену, они были обречены остаток дней провести на каторге, а оснований не верить ему у Ильи не было.

– Илья, ты чего такой смурной. Ты не кисни. Не все так страшно, как кажется, – попытался приободрить его Бродник.

– Скоро война начнется, – неожиданно произнес Гривер Дыкрик.

Он даже не обернулся. Произнес это таким скучным будничным голосом, словно сообщил всем о том, что голоден.

– Это ты о чем? – свесился с верхней полки Карен.

– Мой родной мир находится на окраине королевства в созвездии Огненной Колесницы. Я думаю, вы уже слышали о Червоточинах Штельмана.

– Проколы в пространстве, через которые в нашу вселенную проникают иномирные объекты, – сказал Карен.

– Да. Это официальная версия. Огненная Колесница наводнена нашими крепостями и базами. Огромное количество пограничных станций там базируется. Король Имран знал, что Огненная Колесница угрожает спокойствию в королевстве, и поэтому постарался стянуть в проблемный сектор все доступные силы. В результате наши позиции в Колеснице усилены, но заметно ослаблены другие границы. Спору нет, Червоточины опасны для нас. То, что находится за ними, в другой вселенной, таит в себе смертельную опасность для нашего мира. Но доверять нашим соседям королям Вардии и Дакордии все-таки не стоит. Они только и ждут, когда страна ослабнет, чтобы присвоить себе наши территории. Вопрос стоит только в том, кому именно отойдет наше королевство. Пока был жив Имран, он сдерживал агрессию соседей, ловко играл на их интересах, умело сталкивал их лбами, чтобы они не зарились на наши планеты, но теперь с падением Имрана и приходом к власти Магистров, ситуация изменилась. Вторжение – это вопрос времени. И уверен, что Червоточины тоже прорвет.

– А что за этими Червоточинами? – не удержался от вопроса Илья.

– Мы туда не проникали. Зато всякая дрянь к нам пролезала. Наши пограничные станции находятся в режиме постоянной боевой готовности. Стычки происходят каждый день.

– Так что же там? – спросил Илья. – Что к нам лезет?

– Это никто не знает. То ли корабли противника, то ли это живые существа. Если корабли противника, то они построены на ином принципе, это квазиживые биомеханизмы. Ни одного корабля нам не удалось захватить. В случае огневого столкновения, корабли либо гибнут, либо самоликвидируются. Если же это живые существа, то они способны жить в условиях космоса и перемещаются согласно не известному нам принципу.

– Я вот что еще хотел спросить, – начал Илья. – А вам что-нибудь известно о планете под названием Земля и о стране Россия.

Этот вопрос волновал Давыдова, и он с замиранием сердца ждал ответа.

– Говорят, Земля – праматерь миров, но многие считают это чушью. Разве может маленькая захолустная планета на окраине галактики быть праматерью

миров? – развел руками Карен Серое Ухо. – Россия, я слышал про эту планету. Там, говорят, вечные снега, и живут суровые люди. Кажется, это где-то в районе Большого Кольца. Но я могу ошибаться.

Остальные ничего не могли добавить к скудным сведениям, рассказанным Кареном Серое Ухо.

* * *

Первый эксцесс произошел рано утром. Их разбудили привычным уже способом – электрошоком в голову. Короткий импульс, и ты уже на полу, корчишься в муках, хорошо, что не в луже блевотины или крови. Напротив худой парнишка с бледным лицом и вытянутым, словно у пришельца, черепом, не смог сдержаться и уделал весь пол. Одурачивающий нутряной запах поднялся в бараке. Это не понравилось старожилам. Тут же словно из-под земли появился Кузнечик и закружился вокруг смутившегося парнишки.

– Ты чего, турухтень, портишь воздух? Сейчас будешь это все слизывать. Ты теперь должен нам. Мы из-за тебя вынуждены этим зловонием дышать.

Возле Кузнечика показался Гривер Дыкрик. Чернокожий гигант сгреб его в охапку и толкнул, словно пушечное ядро, в сторону старожил. Кузнечик пролетел несколько метров, сшиб с ног здоровяка с бульдожьим лицом и упал на пол. Бывалые каторжане заволновались. Такой оборот им не понравился. Кто-то поднял руку на одного из них, да за такое по понятиям надо руки отрубить по самые плечи, а если не получится, то отгрызть.

Из-за спин старожил. показав. сонный, с очумелыми, блестящими глазами Дырокол. Он закричал, потирая сальную робу руками, и заговорил:

– Нехорошо получается. Не по-человечески. Мы вас приняли, обогрели, поделились всем, что имеем, а вы руки распускать. Гнилое чую я. А если в бараке заводится плесень, надо ее выводить сразу и нещадно. Правильно я говорю, друзья?

Старожилы одобрительно зашумели.

– Дело говорит Дырокол.

– Надо научить салаг хорошим манерам.

– На правеж карамачей.

Давыдов почувствовал, как воздух в бараке завибрировал от напряжения. Драки не избежать. Заступившийся за доходягу Дыкрик нарушил какие-то местные законы, и теперь старожилы не могли простить ему это. А заодно появился повод всех новичков поучить уму-разуму.

Фома Бродник соскочил с верхних нар и, поводя плечами, направился к Дыкрику. Он встал справа от чернокожего здоровяка, с угрозой смотря на Дырокола и его свору.

Давыдов не любил драться, но если случалось, то не отступал. Армия научила его многому, в том числе и постоять за себя. Вот и сейчас он не собирался держаться в стороне. Если его новоиспеченные друзья в опасности, то он должен встать рядом с ними. Илья подошел к Броднику. Фома обрадовался, увидев его, хлопнул одобрительно по плечу и заулыбался.

– Нехорошо, люди добрые. Совсем нехорошо. Мы к вам со всей душой, а вы нас обижать. Неправильно это. Я считаю, что вы должны извиниться. Вон и Кузнечик совсем обиделся, плохо ему, что вы его вот так при всех, как пса шелудивого, – заговорил вкрадчиво Дырокол. – Мы не можем это так спустить, закрыть глаза, словно ничего и не было. Сегодня вы Кузнечика, завтра на меня руку поднимете. Плохо это. Мужики, объясните им, а то у меня слова закончились.

Дырокол устало опустил на чужие нары и замер, наблюдая за новичками.

Илья почувствовал движение. Справа от него встали еще трое. Слева от Дыкрика появился Карен Серое Ухо, и еще двое каторжан из новой партии. Намечалась серьезная стычка. Илья ожидал, что до драки не дойдет, в дело вмешается кто-то сверху. Вряд ли администрации Пекла понравится такой беспорядок. Но как оказалось, Илья ошибался.

Первыми напали старики. Это произошло быстро, но как-то буднично и серо. Вот они стоят напротив, хмурятся, сжимают зубы, двигают челюстями, а в следующую секунду они рванули вперед. Человеческая масса смешалась. Послышались глухие удары, стоны, всхлипы. Кто-то где-то истошно закричал, и тут же раздался треск ломаемой кости.

На Дыкрика навалились сразу двое. По виду отпетые уголовники. Сизые морды, узкие щелочки глаз, огромные кулаки, которые словно отбойные молотки застучали по бритому черепу и груди чернокожего великана. Но он словно и не замечал двух шавок, которые кружились вокруг него. Он щедро раздавал удары направо и налево. Вот один улетел в сторону отхожего места и плюхнулся в грязь. Второй попал в жесткий захват и остался на полу скулить со сломанной рукой.

Илье пришлось несладко. Его персоной заинтересовался двухметровый увалень с руками, похожими на наковальни. Пропусти он хоть один удар, и тут же наступит конец всему. И он так и не узнает, почему оказался в этом странном мире в чужом теле. Хорошо, что гигант оказался неповоротливым, но и удары Давыдова не оказывали на него должного воздействия. Илья все руки пообтесал о его тело, но ничего не добился. Казалось, все его атаки разбиваются о гранитный утес. Гигант щерился беззубым ртом и с неумолимостью машины надвигался на него, тесня к стене. Он был уверен в своей победе. Такой перемелет в труху и не заметит. Силой его не возьмешь, с наскока не получится. Надо проявить смекалку, чтобы голыми руками завалить тысячелетний дуб, прочно вросший корнями в землю.

И Илья решил изменить тактику. Он аккуратно двигался вокруг гиганта, отслеживая боковым зрением ситуацию в бараке. В атаку не лез, но и под удары не подставлялся. Идеальное сочетание для выжидающей позиции. Долго так не протанцуешь, но для того, чтобы собраться с мыслями – лучше и не придумаешь.

Тем временем драка в бараке только разворачивалась. Старожилы разошлись не на шутку. Они взялись даже за тех, кто решил держаться в стороне, сдергивали их с нар, катали по полу, месили ногами и руками, так что мало на ком можно было найти хоть один клочок не покалеченной кожи. Они напрочь забыли слова Карена Серое Ухо, произнесенные им в столичной тюрьме, о том, что вместе они сила, которую никто не сможет сломить. Расколовшиеся, державшиеся поодиночке они были обречены. И старожилы чувствовали эту слабость, они словно одичавшие, оголодавшие волки шли на запах свежей крови.

Держались только те, кто встали плечом к плечу рядом с графом Гривером Дыкриком. Те, кто поддержал чернокожего великана, оказались на коне. Они дрались отчаянно, прикрывая друг друга, и старики скалили зубы, кричали матом, но на рожон не лезли. Они били хладнокровно, жестко и сильно.

Их было всего восемь человек, но они стоили целой армии. Илья оценил это и тут же понял, что он должен держаться рядом. Если он будет с ними, то сможет выжить в подземельях и выбраться на свет. В восьмерке все были новые лица, за исключением Бродника, Карена, Дыкрика и бывшего королевского банкира Ли Фореста. Он дрался отчаянно, словно всю жизнь только это и делал.

Противнику Давыдова надоела толкотня возле стенки, бессмысленное месилово кулаками воздуха. Он рванул вперед и попытался ухватить Илью. Цель – заключить в стальные объятия, сжать так, что ребра превратятся в кашу, раздавить и уничтожить. Давыдов легко увернулся от смертельного захвата, оказался за спиной здоровяка, запрыгнул ему на спину и зацепил шею в двойной Нельсон.

Этот прием ему когда-то в детстве показал дядя, но сколько он его ни пытался применить в реальной драке, получалось плохо. Он все время боялся сломать шею противнику. Но только не сейчас.

Илья давил на основание черепа здоровяка, вжимая голову в грудь. Здоровяк затрепыхался, пытаясь избавиться от паразита, присосавшегося к его телу. Он молотил руками, пробуя дотянуться за спину, но не получалось.

Илья сжался, словно пытался слиться с врагом. Удары попадали по нему, но теряли в полете всю силу. Здоровяк решил поменять тактику, развернулся и изо всех сил ударился спиной о стену. В глазах у Ильи потемнело, в грудной клетке что-то хрустнуло, но он не ослабил давления. Здоровяк ударил еще раз и еще, но каждый удар был все слабее и слабее. Силы покидали здоровяка, а Илья все давил его голову вниз, и вот раздался жуткий хруст. Здоровяк обмяк, словно все его кости разом превратились в желе, и упал на бетонный пол бездыханным.

Он убил его. Убил первого в своей жизни человека. И пускай это был честный поединок, но это ничего не меняло. Он отнял чужую жизнь, взял на себя право – забрать невозвратимое. И, как ни странно, он ничего при этом не испытал. Может, это равнодушие осталось у него от Имрана, который кровь лил словно

воду, или ему еще предстоит пережить эту смерть по полной программе, но потом, когда все закончится.

Словно цепной пес, скатившийся с поверженной жертвы, он осмотрелся, оценивая ситуацию.

Пока Илья боролся со здоровяком, власть в бараке поменялась. Старики чувствовали себя уверенными, царями положения, и эта уверенность их погубила. Поднявшие бунт новички сумели сбиться в стаю и задавили старожиллов числом. Свежая кровь смогла прорвать плотину. И вот уже старики жались к стенам, опасливо поглядывая на выступавших вперед молодых каторжан. Только Дырокол остался сидеть на нарах, зло поглядывая на тех, кто осмелился покуситься на его власть.

Давыдов поднялся на ноги и приблизился к Броднику. Фома стряхивал с рук кровь. Костяшки пальцев были разбиты, под глазом красовался наливавшийся синяк, но он был чертовски доволен.

– Ша, люди! – раздался резкий окрик.

Это подал голос Дырокол.

И тут же драка в бараке прекратилась. Старожиллы отступили. Новички застыли, боясь разрушить хрупкое неожиданное перемирие.

– Нельзя же так. Что это за дикость такая. Мы все тут люди, а не скоты. Зачем нам грызться. Кто тут у вас будет за старшего, будем за жизнь договариваться, – предложил Дырокол.

Никто не советовался, даже слов не нужно было. Каторжане из новой партии вытолкнули вперед графа Гривера Дыкрика.

– Вот наш староста, – слышались со всех сторон голоса.

Чернокожий гигант шагнул вперед и замер в угрожающей позе.

– О чем говорить будем?!

Но договориться ни о чем не удалось.

Барак накрыло волной боли. Те, кто только что бились друг с другом, оказались вместе на полу, не в силах унять разрывающее череп электричество. Это надзиратели Пекла решили напомнить, кто в доме хозяин.

«Прекратить беспорядки. Построиться в колонну по двое для работы», – слышался змеиный голос в голове.

Преодолевая боль, Илья поднялся с пола.

«Старосты барака по окончании работ проследовать к старейшинам», – прозвучал новый приказ.

Давыдов помог подняться Броднику и Карену. И они направились к дверям, встав за серыми спинами каторжан. В этих понурых спинах было столько покорности судьбе, что оставалось удивляться, откуда они только недавно черпали силы для того, чтобы бороться за свою свободу и право на жизнь.

Двери барака открылись, и строй каторжан пришел в движение.

Глава 7. В стальной шкуре «Проходчика»

К гаражам, расположенным в западном секторе Пекла, их доставила скоростная капсула, стремительно перемещавшаяся по скрытому в толще скалы туннелю. Путь занял чуть больше четверти часа, но, казалось, они переместились на другой конец вселенной. Уже через несколько минут никто и не помнил о бойне, которая произошла в бараке. Только Илья перебирал в памяти эти события, которые разложились у него на отдельные кадры. Он пытался понять, что произошло в бараке, и что ему ждать от будущего. Старожилы пытались прогнуть их, уронить до уровня рабов, помойных людей, но новички дали достойный отпор. Не все дрались. Были и те, кто стояли в стороне и наблюдали за дракой. Они были готовы признать власть стариков, смириться со своим положением и выполнять все, что им прикажут, лишь бы только их не трогали. Но теперь они оказались в той же хрупкой лодке, что и остальные. Глупо

надеяться, что старики забудут о том поражении, что они претерпели. Если сейчас они выступили в открытую, то теперь жди удара со спины. Надо будет об этом поговорить с Бродником и Кареном.

Капсула стала замедляться и, наконец, остановилась. Двери открылись, и по одному каторжники стали покидать ее. Давыдов поднялся со скамьи и вышел вслед за Дыкриком.

Прошло всего ничего времени, но Гривер Дыкрик неожиданно для всех стал лидером новой партии каторжан. Люди смотрели на него с надеждой и любовью, словно он был спасителем, спустившимся под землю, чтобы вывести всех на свет. Вот и сейчас каторжане расступались перед ним, пропуская вперед.

На площадке возле капсулы образовалась толпа. Люди не знали, что им делать дальше. Чужой голос в голове молчал, и они чувствовали себя потерянными.

Люди на поверхности утверждали, что здесь в Жерле у них не будет ни надсмотрщиков, ни тюремщиков, что здесь они предоставлены сами себе. Но в то же время голос в голове каждого был его внутренним сторожем, который всегда знает, куда направить своего раба. К тому же у старейшин каторги была своя армия, набранная из местных. Они называли себя «хлыстами», вероятно, за то, что были вооружены ими. И верховодил всеми Билли Везунчик, с которым Давыдов и остальные познакомились сразу по прибытию в Жерло.

Вот и сейчас беспорядок тотчас прекратился, когда появилась группа «хлыстов». Они тут же построили каторжан и показали направление, в котором им нужно было двигаться. Все это происходило молча, лишь только изредка слышались сдержанная ругань и истерические смешки.

«Хлысты» действовали профессионально и особо не церемонились с каторжанами. Вот мужик с рыжей бородой и испуганными глазами не понял, что от него требуется, дернулся в другую сторону, наступил кому-то на ногу, схлопотал подзатыльник, и тут же был выдворен в строй коротким ударом хлыста, прочертившем на его лице кровавую полосу. Другой мужик, лицо квадратное, кулаки как молоты, отказался подчиняться «хлысту», побагровел лицом, стал что-то выговаривать ему. Но «хлыст» не стал его слушать, протянул электрическим разрядом по груди и водворил его на место в строю.

Так точно все попытки бунта были прекращены, и колонной по двое каторжане отправились в путь к гаражам.

Илья привычно вышагивал рядом с Бродником и испытывал волнение. Через несколько минут они окажутся перед тем, что убивает людей за считанные годы, что сжигает их силы и здоровье. Помнится, Магистр Крот обещал ему мучительную жизнь, полную страданий, но пока что обещания себя не оправдывали. Сейчас же он столкнется с мааровыми рудниками лицом к лицу, и Илья сомневался, что это свидание ему понравится.

Гаражи представляли собой закрытое помещение, помеченное литерами и цифрами. Их привели к воротам, на которых значилось «G12». Внутри на просторной площадке их ждали трое бородатых мужиков в рабочих красных спецовках. За их спинами виднелась застекленная обзорная площадка, откуда открывался вид на вертикальный туннель, ведущий в глубину Пекла.

– Всем здравствуйте, – произнес один из встречающих, когда вся партия оказалась в гараже, и ворота закрылись. – Меня зовут Инвар Роб, я один из ваших бригадиров, и мне предстоит прочитать вам вводную лекцию о работе на Дне.

Он сделал короткую паузу и обвел всех тяжелым взглядом, словно пытался увидеть, дошел ли смысл сказанных им слов до новичков.

– Первое, что вы должны запомнить. Вы – мясо. Вы живете, пока вы полезны. А вы полезны, пока вы работаете. Вы будете работать успешно, если будете соблюдать правила безопасности.

Люди заволновались, зашептались, обсуждая услышанное.

– Ша! – рявкнул бригадир Роб. – Разговорчики в строю. На Дне вы будете работать в «Проходчиках». Управлять ими вас научат бригадиры. Также они разобьют вас на звенья. В каждом звене будут работать четыре проходчика, и пятый ведущий из числа опытных рабочих. Они будут вашими наставниками. Слушать их внимательно, каждое слово – закон. Первые пять погружений для вас будут учебными. После их прохождения для каждого будут установлены индивидуальные нормы выработки. Выполнение нормы – закон. В случае недоработки к каждому будут применяться штрафные меры. В каждом случае они будут разработаны индивидуально, поэтому призываю вас работать

самоотверженно, чтобы потом не было мучительно больно за свою лень и глупость. Бригадир Шу и бригадир Демьянов, ваша очередь учить «донников».

Бригадир Инвар Роб отступил в сторону. Вперед шагнул худой, болезненного вида мужчина с длинным рваным шрамом на лбу.

– Меня зовут Иван Демьянов. Сейчас я вам вкратце расскажу, с чем вы будете работать, что добывать, куда это все девать, и что вам за это обязательно не будет. После этого Мартин Шу отведет вас к машинам и на деле покажет, как всем этим управлять. Первое, что вы должны запомнить – мааровые рудники это вам не отдых на курорте, а изнурительный и иногда смертельно-опасный труд. Вы будете работать в робокостюмах, которые называются «Проходчик». По сути, вы будете оператором сложной управляемой машины, и если где-то напортачите, то для вас это может хреново кончиться. Что такое маар, это радиоактивная руда, из которой при последующей обработке в заводских условиях получают мааровый транспортер, источник энергии для звездолетов. Там далеко на свободе вы были людьми, у вас были семьи, устремления, желания, но теперь вы должны все это забыть, отринуть. Назад дороги нет. Здесь никому не важно, за какие преступления вы тут оказались. Главное это ваша норма. Все остальное прах. Есть планеты, где добыча маара поставлена на широкую ногу. Его добывают специальные умные машины. Но вы – мясо, и вы должны быть полезны, поэтому вы тут, а не распылены на атомы за свои прегрешения. Теперь о главном. Запомните, что маар очень опасен. Любое неправильное действие, любое отступление от норм безопасности может привести к вашей гибели. Так что не лихачить, не лезть в пекло. Тем более вы уже тут.

Демьянов криво улыбнулся и продолжил:

– Как добывают маар, вам покажет Мартин Шу. Но вы должны знать, что метод добычи маара – выпаривание. Вы аккуратно выжигаете породу вокруг жилы. Главное тут не перегреть и соблюдать температурные нормы. Ослабленную породу затем выдалбливают отбойником и освобождают мааровую руду. Вы работаете звеном. Как только вы погрузились на Дно, вы работаете вместе. Нет – Я. Есть – Мы. Звенья выполняют единую работу, по сути, должны представлять слаженный механизм. Но при этом есть индивидуальная норма выработки. Как это возможно? После окончания смены вся добыча звена делится на количество его участников, и получается индивидуальная норма. Если один не добрал, получается, не добрало все звено. Или ваши товарищи должны перевыполнить

норму, чтобы на своем горбу вытащить ленивую тварь. Только не надейтесь на это. По опыту скажу, ленивцев никто не терпит. Проще такого придушить ночью в бараче, или на нож в толпе поставить, чем тянуть на себе. Так что действуйте по правилам, соблюдайте нормы, заботьтесь о ближнем своем, и будет у вас все отлично. Светлого вам погружения!

Бригадир Демьянов отступил в сторону.

Мартин Шу, крепкий высокий азиат с зеленоватым оттенком кожи, шагнул вперед и рявкнул, чуть коверкая слова:

– Следовать за мной! Будем учиться! Слушать крепко! Ничего не забывать!

Из смотровой площадки они проследовали в ангары, где Давыдов увидел выстроенные ровным строем «Проходчики». Это были трехметровые человекоподобные гиганты, состоящие из стальных пластин. На месте головы у них были подвижные башни с прозрачным забралом, над которым чернел индивидуальный порядковый номер. Они неподвижно стояли на коленях, ожидая пришествия операторов.

– Разбирайте машины, донники. Ваш номер совпадает с номером «Проходчика». Так что не создавайте хаоса. Иначе придется позвать «хлыстов», – приказал Мартин Шу.

Дыкрик, Бродник и Карен разошлись в стороны, оставив Давыдова одного. Илья отправился на поиски машины с номером «88».

– Чтобы запустить «Проходчика», встаньте напротив него. Не шевелитесь. Робот отсканирует вас, проведет идентификацию, после чего откроется, и вы сможете занять место в нем.

«Проходчик» с номером «88» находился в последнем ряду. Илья последовал инструкции бригадира, встал напротив коленопреклоненной машины и стал ждать, не шевелясь. На лбу робота возле номера вспыхнули красные огоньки, по всему телу пробежала дрожь, аппарат оживал. Корпус «Проходчика» раскрылся, и Илья увидел нишу, предназначенную для тела оператора.

Забираться внутрь не хотелось. Там было тесно и темно. Илья почувствовал поднимающуюся волну паники, которую тут же поспешил в себе подавить. Оказаться со всех сторон скованным сталью чужого тела, одна только мысль внушала ему ужас. Но он все же переборол себя, развернулся и аккуратно спиной забрался внутрь машины. Как только он оказался в ложе оператора, машина пришла в движение. Робот стал подниматься с колен, раскачиваясь из стороны в сторону. Одновременно с этим отверстие в корпусе закрылось, и Илья оказался заперт в теле машины. Тут же его надежно опутали ремни безопасности. Он оказался заключен в кокон, из которого никуда не деться. Попал в ловушку.

Стало тяжело дышать. Перед глазами потемнело. Он ничего не видел, и тут же вспыхнул ярким светом экран, располагавшийся перед глазами, на котором проявилась обзорная картинка с внешних камер. Он теперь видел все, что окружало робота. В том числе на отдельный маленький экран в левом углу выводилось заднее изображение. По экрану побежали настроечные таблицы.

Илья видел, как каторжане один за другим забирались в роботов, и они поднимались с колен. Стальная армия пещер. Выглядело это внушительно.

– Внимание, донники. Сейчас начнется загрузка базовых навыков по управлению «Проходчиком». Не пугаться, не нервничать. Разум держать открытым. Предупреждаю, если захочется отлить, можете это делать смело, прямо не выбираясь из кокона. Аппарат снабжен системой выведения отходов производства. Но не испачкайте штаны. Советую их все-таки для начала снять. Это будет сделать неудобно. Но думаю, что необходимо.

Бригадир Мартин Шу умолк, и тут же в голове Ильи взорвался вулкан из знаний. Поток информации хлынул в его разум, как в бездонный колодец. Он пытался вычленил хоть что-то из этого потока, но видел только отдельные слова и наборы символов. В него методично заливали все, что было необходимо для работы на Дне, но при этом он не мог пока этим воспользоваться. Когда процесс закачки закончился, началась процедура установки. Илья постепенно стал узнавать назначение приборов и способы управления роботом. Через какие-то четверть часа он мог уже самостоятельно работать с «Проходчиком», и началась утомительная тренировка.

По команде Мартина Шу Давыдов наравне с остальными каторжанами маршировал по ангару. Со стороны это напоминало шествие инвалидов. Машины

при движении раскачивало из стороны в сторону. Роботы припадали то на одну ногу, то на другую. Иногда делали не те движения. Не обошлось и без падений. То тут, то там машины падали на пол, и тут же медленно поднимались.

Одно дело знать систему управления, другое дело – научиться применять эти знания на практике.

Прошло несколько часов, прежде чем Давыдов почувствовал себя уверенно при движении робота. Он, уже не задумываясь, на автомате, вышагивал по ангару, активно работая руками. Это была одна из задач Мартина Шу, чтобы при движении робот выполнял несложную работу руками – махал ими в такт ходьбе, выполнял боксирующие движения, поднимал их вверх, словно делал зарядку.

Не у всех получалось так же хорошо, как у Давыдова. Кто-то уже освоился в управлении машиной, кто-то продолжал делать ошибку за ошибкой. Движение таких недоучек напоминало спотыкание пьяного по улице от одного фонарного столба к другому.

Постепенно Илья настолько освоился в управлении роботом, что уже смог безнаказанно глазеть по сторонам, выполняя работу автоматически. Он нашел машину Фомы Бортника под номером «13» и машину Гривера Дыкрика под номером «17». Карена Серое Ухо нигде не было видно.

Бортник и Дыкрик уверенно маршировали по ангару. У них не возникло проблем с управлением машинами. Илья улыбнулся и тут же поймал себя на мысли, что испытывает к этим ребятам теплые чувства.

Странно это все. Они были рядом всего ничего, но что-то доброе зарождалось между ними. Он, чужак, заброшенный в чужое тело в чужой мир, испытывал к этим ребятам что-то наподобие дружеских чувств. Они были еще слабые, не оформившиеся, но уже сейчас можно было сказать, что Бродник, Дыкрик и Карен перестали быть для него чужими людьми. Именно поэтому во время драки в барак со старожилками он не задумываясь выступил на стороне Дыкрика.

Во время движения Илья попробовал пробиться к ребятам, и у него получилось. Круг за кругом он сокращал расстояние, пока не оказался рядом с Фомой Бродником. Тот его заметил, и Илья увидел, как лицо товарища расплылось в улыбке. «Проходчик» под номером «13» поднял руку и отсалютовал, приветствуя

его.

– Неплохо! – прозвучал голос Мартина Ши. – Теперь вы все меньше и меньше напоминаете пьяных обезьян. Так держать, ведра с гайками.

Илья увидел машину бригадира. Трехметровый гигант с красной головой и клеймом «М-11» вышагивал вдоль стены.

Илья активировал систему голосового общения и обратился к Броднику.

– Кажись, ничего сложного.

– Разговорчики в строю! – тут же рявкнул в его голове голос.

Тренировка движения продолжалась еще несколько часов. Пока все машины не стали двигаться слаженно, не припадая то на одну сторону, то на другую, как калеки на паперти, она не закончилась. Когда каждая машина стала вышагивать уверенным строевым шагом, бригадир Мартин Шу прервал тренировку и объявил:

– Теперь наша задача научиться управлять всем доступным «Проходчику» инструментом. Систему вы уже знаете. Будем отрабатывать навыки. Приступить к первому упражнению. Включить резак на режим «выпаривания».

Глава 8. Новички VS старожилы

Кормили их два раза в сутки. Первый – рано утром перед погружением на Дно. Второй раз – сразу после возвращения. Едой эту дрянь назвать было сложно. Серая безвкусная каша, наполненная всеми необходимыми для полноценного функционирования организма элементами. А эстетические ощущения каторжан не волновали никого. Стадо должно работать, функционировать, приносить пользу. Упадет один, есть кому заменить его в строю.

Столовая – просторное помещение с линией раздачи и пластаматными столами, вечно занятыми каторжанами – находилась в нескольких кварталах от гаражей.

Сперва скоростная капсула делала остановку возле столовой, затем продолжала путь к гаражам, откуда после проведения тактико-технического осмотра проводилось погружение на Дно в специальных каплеобразных лифтах, куда за раз набивалось до пятидесяти «Проходчиков».

Илья Давыдов, Фома Бродник и Карен Серое Ухо держались везде вместе. После того как Гривера Дыкрика избрали старшим партии, он все больше и больше отдалялся от друзей. Все чаще ему приходилось проводить время с Дыроколом и другими старожилыми, перетирая проблемы, пытаясь выгадать для новичков более легкие условия. Прежний режим – новенький всегда неправ, готов выполнить любую грязную работу, хоть в нужник с головой нырнуть, всегда готов подставить любую щеку и даже зад под ботинок старожилы и с покорностью все стерпит и снесет, без доли ропота – Гривера Дыкрика и людей, поддерживающих его, не устраивал.

«Донники» объединились вокруг него в надежде, что ему удастся договориться со стариками, добиться для всех равноправия. Только Илья смотрел на все эти дипломатические потуги с изрядной долей скептицизма. И с интересом наблюдал за Дыроколом.

Этот пузатый бородач напоминал ядовитого паука, занявшего центральное место в паутине, через которую проходили все информационные и пищевые потоки. Ему даже шевелиться не надо было. Все текло само рекой. Главное только не выпускать паутину из рук. А тут этот чернокожий выскочка, будь проклят его род до десятого колена. Он не просто осмелился поставить под сомнение его власть. Он решил ее полностью разрушить, установив в бараке хаос демократии. Это было недопустимо. Это нужно было пресечь любым способом. А пока было выгодно строить из себя переговорщика, доброго старичка, готового на любые уступки, лишь бы сохранялся мир в бараке, Дырокол с удовольствием это делал. Иногда даже переигрывал, по мнению Давыдова, только никто вокруг это не замечал.

Гривер Дыкрик за завтраком все еще продолжал сидеть с ними вместе за одним столом. На ужин его звал к себе Дырокол, и Дыкрик вынужден был пересаживаться, чтобы за тарелкой серой питательной массы решить свежие вопросы или просто поддержать дипломатический разговор. Иногда его сопровождал Ли Форест, но в последние несколько дней Дыкрик ходил на ужин один. Это было связано с тем, что Дырокол несколько раз открыто высказался против свиты чернокожего старосты. Мягко, вкрадчиво, но Дыкрик решил не

создавать конфликт на ровном месте. Дырокол говорил, что готовит его к встрече со старейшинами, которая должна была состояться со дня на день, и лишние уши им были не нужны.

Давыдов давно хотел поговорить с Дыкриком, предостеречь его, но все никак не мог подобрать время. Наконец ему повезло. Утро выдалось тихим и спокойным. Получив на раздаче еду, Давыдов уселся за стол с Бродником и Кареном. Вскоре появился Гривер Дыкрик и уселся напротив него с тарелкой серой бурды, от которой пахло болотной тиной. Илья молча ел, поглядывал на чернокожего здоровяка, в руках которого ложка выглядела спичкой. Наконец он решился и спросил:

– На твоём месте, Гривер, я бы не доверял Дыроколу. Слишком он себе на уме. Люди говорят, что в Жерле он уже восьмой год, и все ещё жив и при делах.

Гривер Дыкрик отложил в сторону ложку, облизнулся и посмотрел на Давыдова пристально.

– А кто тебе, парень, сказал, что я доверяю этому мужлану. Он нужен мне, потому что только он способен решить простые вопросы в бараке. Без него все бы посыпалось. А нашего брата давно бы на ножи поставили старожилы. Они на нас зубы точат с первого же дня. Так что я играю с тигром, чтобы он ненароком всех нас не сожрал. Думаешь, просто играть в поддавки с хищником. Тут каждый старик готов новичка с потрохами схарчить. Свежая кровь, которой дай только настояться, обязательно погубит на Дне старую. Они чувствуют это и пытаются сразу расставить все точки над всеми буквами. Если бы я не играл с Дыроколом по его правилам, нас бы давно всех тихо перерезали во сне.

– Я понимаю это, – примирительно сказал Илья. – Только вот кажется мне, что Дырокол что-то готовит. Не такой он человек, чтобы забыть наш бунт в первый же день. Есть у меня подозрение, что скоро что-то произойдет.

– Знаешь, Давыдов, я не знаю, кто ты и откуда, кем ты был до того, как попал на Пекло, но скажу тебе одно, держи свое мнение при себе. Я делаю то, что считаю нужным. Если можешь лучше, готов уступить место. Хлебай полной ложкой, только морду не заляпай кровушкой.

Гривер Дыкрик поднялся из-за стола, вытер руки о рубаху, на прощание смерил Илью презрительным взглядом и направился на выход.

– Это что сейчас было? Какая муха его цапнула? – удивился Фома Бродник.

– Человеку в голову собственная важность ударила, – оценил Карен Серое Ухо. – Он в прежней жизни важное место занимал под солнцем. А теперь выпал шанс хоть на чуть-чуть вернуться к прежним чувствам. Он теперь за власть будет грызть. А Илья к нему со своими советами.

– Вы как хотите, а я предлагаю спать вполглаза и прикрывать друг друга. А на Дне тем более. Не хотелось бы неприятностей на ровном месте, – предложил Илья.

– Ты считаешь, что Дырокол решится открыто выступить? – уточнил Карен Серое Ухо.

– Я думаю, что Дырокол нарочно играет с Дыкриком, чтобы очень некстати больно щелкнуть его по носу, – ответил Илья.

– Вот дело говорит мужик. И хоть память у него так и не вернулась, а вот соображалка на месте и работает, дай бог каждому, – от переизбытка чувств хлопнул ладонью по столу Бродник.

Давыдов как будто в будущее заглянул сквозь замочную скважину.

Неприятности начались на следующее утро. Первым делом на утренней побудке новички не досчитались бойцов. Двое каторжан не встали с нар, несмотря на то что их активно пытались растормошить. Это показалось сразу подозрительным. Мужики были молодыми, здоровыми, на воле работали в полиции, выносливые как караванные верблюды, таких «донными» работами не проймешь. А тут во сне умерли.

Давыдов сразу заподозрил, что тут дело неладно. Он поделился соображениями с Бродником и Кареном, но те отговорили его от разговора с Дыкриком. Правда, Гривер сам решил провести расследование. Для начала он собрал новичков вместе и опросил их с целью выявить опытного врача, или на худой конец работника морга. Когда такие нашлись, трое ребят: один из них хирург, второй стоматолог, а третий специалист по половым проблемам, но все с дипломами

врачей, Дыкрик потребовал, чтобы они осмотрели тела и сказали ему, от чего те умерли.

Как ни странно, «невидимки», которые прочно поселились со своими командами и электрошокерами в голове каждого заключенного, молчали, не торопили их в столовую и на Дно, словно сами были заинтересованы в том, чтобы Гривер Дыкрик провел расследование и выявил виновных, если такие найдутся.

Троица внимательно осмотрела бездыханные тела. Дырокол несколько раз подходил к Дыкрику и предлагал посильную помощь со стороны старожил, выглядел он при этом сытым и довольным, но сохранял хладнокровие, так что не подкопаешься, даже если очень захотеть. Когда осмотр закончился, врачи заявили единогласно, что следов насильственной смерти не обнаружено. Они произнесли это вслух, так чтобы все слышали, чтобы не было перешептываний и слухов. Такое было требование Гривера Дыкрика.

Но все равно у новичков неприятный осадок остался. Каждый из них чувствовал, что к этим смертям приложил руку Дырокол, но доказательств не было.

– Илья, ты не видел, вчера старики к нашим не подходили? – спросил Карен.

– Да вроде нет.

Давыдов не мог вспомнить события предыдущего вечера. Каждый день был точной копией предыдущего. Дни накладывались друг на друга, сливались в серую массу, похожую на ту бурду, которой их кормили в столовой. Поэтому вычленить что-то конкретное было чрезвычайно сложно.

Вчера по возвращении из столовой он забрался на нары и пролежал с открытыми глазами, размышляя о своем прошлом и будущем, несколько часов.

Периодически он поглядывал на соседей по бараку, но ничего подозрительного в памяти не отложилось. Ему вчера было не до безымянных каторжан, он вспомнил Марину. И эти приятные, волнующие воспоминания захватили его всего.

– Вроде Кузнечик недалеко крутился, но я не поручусь за это, – сказал Фома Бродник.

– Задницей чувствую, что это Дырокол ребят на тот свет отправил. Не своими руками, конечно, но шестерил у него тут хватает, – сказал Карен Серое Ухо.

– И что самое хреновое, мы ничего не можем сделать, ничего не можем ему предъявить, – сказал Илья. – Нам только осталось утереться и двигаться дальше. Ничего. Настанет и на нашей улице праздник. Вот только Дыкрика жалко. Тяжелая у него роль. Знать убийцу в лицо, но продолжать расшаркиваться с ним при встрече и улыбаться, словно ничего не произошло.

– Как бы Дырокол Гривера нашего Дыкрика не отправил на тот свет. Также во сне по-тихому, – высказал опасение Карен Серое Ухо.

– Надо бы за громилой нашим присмотреть, – тут же подал идею Бродник. – Предлагаю держаться всегда рядом с ним да по ночам дежурство установить.

– Не думаю, что Дырокол решится на убийство Дыкрика, но все же присмотреть стоит, – поддержал идею Илья. – Только ему ни слова. Граф эту идею не поддержит, хорошо если на смех не поднимет.

На том и порешили.

Расследование обстоятельств смерти двух каторжан закончилось ничем. И тут же, словно почувствовав затянувшуюся паузу, подал голос «невидимка», приказавший строиться на работу.

Заняв место в строю за спиной Гривера Дыкрика, Илья еще некоторое время пытался припомнить события вчерашнего вечера. Но постепенно вернулся к мыслям о Марине, лучезарной девушке, с которой встречался некоторое время назад и расстался как-то по-глупому, по-мальчишески. Теперь, вспоминая об этом, Илья испытывал сожаление. Она что-то колкое сказала ему. Он ответил. Она парировала. Он добавил. Она огрызнулась. Он подобрал обидные слова и швырнул ей в лицо. Она обиделась и ушла, а он ее не остановил, и даже не перезвонил, не пришел к ней, чтобы попросить прощения. Все гордость, все избыточное самолюбие. Тогда ему показалось все неважным, шелухой, слетевшей с древесной коры, но теперь в заточении он вспоминал почему-то только ее.

Второй инцидент случился в столовой за завтраком. Гривер Дыкрик отделился от компании и кушал в окружении свиты, сложившейся за последние дни, главную роль в которой занимал Ли Форест, бывший банкир, когда раздался истошный крик.

Все тут же обернулись на источник звука. Некоторые вскочили из-за столов, позабыв о завтраке. Тут же образовалась толпа, гомонящая, недовольная.

Илья сперва ничего не мог разобрать. Он поднялся и обогнул толпу. За ним последовал Фома Бродник. Когда им удалось протолкаться к источнику крика, они увидели лежащего лицом в миске с серым месивом каторжника, из числа новичков. Вокруг него по столу расплывалась лужа крови.

– Эй, что тут происходит! – слышался рев Гривера Дыкрика, и тут же толпа расступилась, пропуская его вперед.

Ли Форест первым оказался возле тела, поднял его, с трудом оторвав от стола, словно он приклеился, и все увидели, что у новичка было перерезано горло.

– Я видел. Я все видел. Это все старики...

– Это точно они. Счеты сводят...

– Вон тот со щербатым лицом. Он мимо проходил и чем-то чиркнул бедолагу...

Тут же слышались выкрики из толпы.

– Дырокол, – рявкнул Гривер Дыкрик. – Где ты? Иди сюда! Будешь ответ держать! Я требую!

Чернокожий здоровяк кипел от негодования. Его прямо распирало от гнева. Он с трудом держал себя в руках, чтобы ненароком не начать новую бойню.

Из толпы появился невозмутимый, со слащаво-скорбным лицом Дырокол. Возле него вился Кузнечик, стреляя глазами по сторонам.

– Ты чего кричишь? Зачем людей пугаешь? – вкрадчиво заговорил Дырокол. – Если ты хочешь меня в чем-то обвинить, то смелее. Тут каждый скажет, что я все это время тихо, спокойно кушал за своим столом. Я к твоему парню даже на шаг не приближался. Если ты хочешь меня обвинить, то вот он я.

– Это твои люди! Ты приказал?! – паровозом дышал Гривер Дыкрик.

Глаза его налились кровью, а грудь ходила ходуном. Он сжимал кулаки и разжимал, пытаясь успокоиться.

– У меня нет людей. О чем ты? Я никому ничего не приказывал. Даже обидно такое слышать. Я думал, мы вместе решаем общие вопросы. А тут такие подозрения. Если кто-то и не поделил с парнем что-то, то я тут при чем. Я задницу ребятам не подтираю. Я им не мамочка. Они сами за себя все решают. Мы, конечно, найдем виновного и накажем по всей строгости. Но я жду, чтобы ты извинился передо мной. Нельзя просто бросить в лицо обвинения и остаться чистеньким.

Неизвестно, чем бы закончилось это противостояние, если бы в столовой не показалась команда Билли Везунчика. Появление «хлыстов» мигом остудило толпу. Люди рассосались по своим местам. «Хлысты», не церемонясь, скрутили щербатого мужика с острой дьявольской бородкой и выволокли из столовой. Больше его никто не видел. Потом забрали тело бедолаги.

Жизнь потекла своим чередом. Но Дырокол и Гривер Дыкрик больше не ужинали вместе и перестали разговаривать. Между ними выросла стена льда, которую рано или поздно должно было прорвать.

Глава 9. Первое погружение

В «Проходчике» было жарко, как в парилке, несмотря на работающую систему кондиционирования. Вероятно, когда-то в робоскафандре стояла свежая система, которая справлялась с нагрузками «донной» работы, но с годами она изнашивалась и работала со сбоями. И это никого не волновало, кроме оператора. Ему приходилось мучиться от жары и обтекать потом, который стекал по спине в

трусы, заливал глаза, мешая работе.

Давыдов пробовал жаловаться бригадирам, но Иван Демьянов и Мартин Шу даже слушать его не стали, состроили такое жуткое лицо, что Илья понял, настаивать себе дороже. Инвар Роб был более дружелюбен. Он ответил:

– Кому какое дело. Вы – мусор. Сдохнете, ваше место займет другой. А «Проходчика» ремонтировать будут, только если он окончательно встанет.

После этих слов сразу все встало на свои места. Давыдов больше не искал справедливости у бригадиров. Не работает кондиционер, так они вроде и не на курорте с бокалом бурбона да длинноногой красоткой под боком, перетерпим, выкрутимся. В бараке он нашел черную тряпку, из которой сделал головной платок, который теперь повязывал на манер банданы каждый раз, перед тем как занять место оператора в «Проходчике». После смены он постирывал тряпку в хозблоке и вешал на железную спинку нар, чтобы успела просохнуть к утру.

Первое время старички отпускали в его адрес ехидные шуточки. Из разряда: смотри, какие девочки симпатичные в блоке появились, пора на свиданку приглашать. Но после двух стычек: одному пришлось сломать нос, второму руку, народ поутих. Уже никто не осмеливался в открытую выступать.

Илья сперва не понимал, почему его бандана вызвала такой ажиотаж в среде каторжников. Но потом догадался. Если в его мире этот головной убор носил скорее брутальный мужественный характер, присущий продвинутым рокерам и байкерам, то в далеком будущем на каторжной планете Пекло он вызывал стойкие ассоциации с женским полом.

Постепенно люди привыкли к его виду. И Давыдов заметил, что вскоре появилось еще несколько «донников» из числа стариков, которые стали носить банданы. Причем не только в «Проходчике», но и в повседневной жизни можно было увидеть обмотанные черными тряпками головы.

Давыдов попал в звено с Бродником, Кареном Серое Ухо и парнем с причудливым именем Юрген. Ему было лет двадцать. На свободе он не занимал никаких ключевых постов, всего лишь учился в университете столицы на факультете юриспруденции, в так называемой Янтарной Цитадели. А на каторге оказался за компанию с отцом, который при Имране Кровавом возглавлял

Главную Канализационную службу Октарии. Интересно, чем новой власти главный столичный ассенизатор не понравился? Парнишка вечно всего боялся и, казалось, готов был наложить в штаны от чужого громкого чиха. Но, несмотря на это, на Дне он работал изо всех сил, стараясь не отставать от своих напарников. Юргену льстило, что его поставили в звено с серьезными людьми, которые к тому же на короткой ноге с Гривером Дыкриком, старостой новой партии, поэтому он из кожи вон лез, чтобы произвести впечатление на Давыдова и его новых друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dal-_dmitriy/kleymenyu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)